

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Матвей КУРИЛКИН

БУДНИ ИМПЕРСКОЙ СТРАЖИ

И Темной Империи нужна стража!

Annotation

Пытаясь скрыться от многочисленных врагов и жаждущих крови родственников, Сарх из народа сидов оказывается в Темной Империи – стране, рассказами о которой во всем мире пугают детей. Удивительно, но все оказывается не так страшно. Сарха принимают вполне радушно, ему даже удается устроиться в стражу. Казалось бы, жизнь наконец налаживается. Вот только работа стражника не располагает к спокойной жизни. Расследуя очередное преступление, новоявленный стражник оказывается втянут в интриги аристократии. Неприятная ситуация, но что поделать? Иногда для того, чтобы хорошо выполнять свою работу и сохранить спокойствие в стране, которая тебя приютила, приходится заниматься неприятными вещами.

Матвей Курилкин

Будни имперской стражи

© Матвей Курилкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Вся эта беготня с каторжной тюрьмой началась буднично. И поначалу даже было совсем непонятно, что это дело как-то с ней связано. Просто кто-то из купцов, во время одной из стоянок отлучившись в кусты, нашел там «клад» – свеженький труп донельзя изможденного человека в форме имперского солдата. В двух днях пути от столицы. Так как признаков насильственной смерти на теле при осмотре купцы не заметили, они просто добавили еще один тюк к своей поклаже и, по прибытии в столицу, сдали тело в военную канцелярию. Дескать, сами разбирайтесь, почему у вас военные от голода дохнут. Может, это дезертир.

В военной канцелярии насторожились сразу – уж слишком удивительно, что какой-то солдат умудрился умереть от голода и истощения так близко от столицы – если он сбежал из столичного гарнизона, то рано ему еще от голода погибать, а если из какого-то другого – то возле столицы ему уж никак делать нечего. К тому же в канцелярию за последние несколько месяцев не приходили отчеты о побегах – да и глупо бежать сейчас, когда никаких войн не ведется и военные только и развлекаются, что периодическими учениями. Не бегут в такое время из армии. Потому военные сами разбираться с проблемой не стали, а направили дело к нам – в столичную стражу. Столичная стража в том виде, в котором она есть сейчас – это нововведение. Раньше, конечно, тоже было такое учреждение, но занималось оно просто патрулированием улиц и было чем-то вроде филиала той же военной канцелярии. Нынешняя же стража не имеет аналогов в остальном мире. Сейчас мы занимаемся не только предотвращением преступлений, но и по мере сил стараемся найти виновных в уже сотворенных гадостях. Конечно, чаще всего это не интереснее кражи рыбы на рынке или побоев, нанесенных пьяным мужем своей сварливой жене, но иногда попадаются и по-настоящему интересные и запутанные случаи. Тот, о котором я рассказываю – один из них.

Этим утром шеф возвращался с совещания у начальства недовольным. Он всегда возвращается оттуда недовольным – просто потому, что его начальник, или, если точнее, начальница – предмет его мечтаний. У орков, вообще-то, патриархат, и шефу довольно трудно перенести тот факт, что его возлюбленная еще и его начальница. Это оскорбляет самолюбие и, как следствие, делает его несчастным. Мало того, что он не может, как это у них принято, просто и без изысков подойти к возлюбленной и сказать что-то вроде: «Сегодня ночуешь у меня. И завтра тоже. Иди, готовь плов!», так ему еще приходится выполнять ее приказы, и вообще быть пайнкой. Так вот, в то утро шеф как всегда после совещания был мрачен. Только в этот раз он, похоже, был еще чем-то здорово озадачен.

– Вот же дерьмо. Представляешь, стажер, – это он мне. Я – стажер, уже три месяца. – На нас опять какую-то дрянь повесили. Ты умный и сейчас будешь думать, что делать. Тока подожди, не начинай, я сначала расскажу, в чем дело.

И он поведал примерно то же, что я рассказал выше, только в чуть более крепких выражениях. На самом деле, думать, что нам с этим делать, пока было рано. Для начала нужно распорядиться, чтобы тело отправили на осмотр нашему штатному патологоанатому, осмотреть место преступления и еще раз разослать запросы во все возможные места приписки почившего. С первым и последним пунктом я справился быстро – за три месяца я здорово научился справляться с бюрократической волокитой, шеф скинул на меня все бумажки сразу, как только я попал к нему в напарники. Он это объяснил тем, что мне нужно учиться не только опасных преступников ловить, но и с бумажками справляться, хотя и ежу

понятно, что просто самому шефу эта канитель уже давно обрыдла и он рад, что теперь появился кто-то, на кого можно с чистой совестью скинуть эту неприятную обязанность.

Осмотр места нахождения трупа тоже не занял много времени, мы с начальником задумчиво побродили по пятаку, заботливо вытоптанному старательными купцами. Думаю, они хотели облегчить нам жизнь и найти какие-то следы, но, конечно, только их затоптали. По крайней мере, теперь было совершенно непонятно, откуда шел покойный и куда он направлялся. Впрочем, подозреваю, что в кустах он оказался не потому, что с неба упал, а потому, что идти стало совсем не в состоянии (не удивительно, в таком-то состоянии) и он решил отползти с дороги куда-нибудь, чтобы умереть спокойно, в тишине на лоне природы.

Так что, несолоно хлебавши, мы вернулись в столицу, а на следующий день стали приходить первые новости. Понятно, что ни в одном из гарнизонов никто не пропал – это до нас проверили сами военные. Понятно, что военную форму покойный на себя не сам надел – в Империи запрещено выдавать себя за военного, это карается очень жестоко. Я не так давно здесь обосновался и потому не слишком силен в здешних законах, но про это уже знаю – присвоение чужой военной формы, а также ее имитация карается каторгой. Причем как присвоившему, так и тому, кто эту форму ему отдал, если отдавший не сообщил сразу о потере. Естественно, ни один портной, ни за какие деньги не станет делать даже что-то отдаленно похожее на мундир – если только его не заказали официальные лица.

В общем, никто ниоткуда не пропал, все тихо и мирно. Надо сказать, это меня здорово расстроило, потому что означало, что либо мы не там ищем, либо от нас что-то скрывают. И если первое – это еще не страшно, то второе чем-то сродни вселенской катастрофе. Не потому, что в Империи служебное преступление – это такая уж редкость, а потому, что теперь мне пришлось искать ошибку в многочисленных отчетах из самых разных концов империи. На время поиска несоответствий шеф освободил меня от всех других дел. Чтобы, значит, ничто не отвлекало бедного стажера от вдумчивого разглядывания пары сотен листов с цифрами и пояснениями.

Сам шеф тем временем попытался проверить вторую версию, которая заключалась в том, что кто-то все-таки решил самостоятельно, без разрешения пошить себе стандартную имперскую солдатскую форму. Однако эта версия с самого начала не была особо правдоподобной и окончательно развалилась уже на следующий день. Когда утром я с понурым видом возвращался на свое рабочее место после ночи, проведенной в компании этих же дурацких отчетов, шеф уже встречал меня. Довольно оскалившись, сообщил, что нашел портного, который шил эту одежду, и даже больше того, портной рассказал, когда именно в его мастерской шили вот ту партию мундиров, к которой принадлежит этот самый, снятый с неизвестного бедняги. Я немедленно просиял вместе с шефом – зная время, в которое он пошит, нетрудно выяснить, куда ушла эта партия, что, в свою очередь, здорово сужает область наших поисков. К вечеру мы совместными усилиями вытрясли из работников военной канцелярии, куда же уходило обмундирование в период с марта по май прошлого года. Таких мест оказалось всего три – пограничная крепость на самом юге, каторга в сухом море и, собственно, столичный гарнизон. На этом я пока и решил остановиться – прошлую ночь я толком не спал, и рассматривать документы вторую ночь подряд меня совершенно не тянуло. Я, насколько мог уверенно, объяснил шефу, что спешка еще никому не помогала. А также, что сонный и усталый сотрудник во много раз менее эффективен, чем бодрый и веселый. Правда, шефу утром предстояло отчитаться перед начальством о полученных в ходе расследования результатах, и он считал, что эти результаты должны быть как можно

более весомыми в глазах нежно любимой начальницы, поэтому убедить старшего товарища было сложно. Все-таки кое-как отбредившись, я отправился домой.

Конечно, называть это место своим домом, наверное, глупо, но если честно – здесь мне лучше, чем в любом из тех мест, где доводилось жить раньше. Ни дольмен, где я родился и прожил большую часть жизни, ни, тем более, казарма в одном из человеческих государств не были «моими». В роскошных палатах моей матушки, прекрасных и утонченных, было здорово, но я все время чувствовал себя там одиноким и ненужным, в том числе и от того, что не мог даже сам решить, какими коврами будет застелена моя комната и какие картины будут висеть на ее стенах. Мое же нынешнее обиталище, хоть и не полностью моя собственность – я снимаю небольшой дом, но все же находится в моем распоряжении, так что здесь я делаю то, что мне нравится. Правда, если быть честным, здесь всего один ковер и ни одной картины на стенах. Зато на стене гордо висит мой меч, с которым я умею неплохо обращаться, несмотря на то, что это оружие и не характерно для сидов. А рядом с ним – гитара. Это, конечно, не тот великолепный инструмент, который остался в родном дольмене – когда я бежал, мне было не до сантиментов, и брал я только самое необходимое. Тем не менее, когда-то я неплохо играл и не раз потом жалел, что у меня нет «шестиструнной подруги». Так что первое, что я сделал, получив жалованье, – это купил приличный инструмент в одной из многочисленных музыкальных лавок. А купив, обнаружил, что долгое отсутствие практики здорово уменьшило мои музыкальные таланты. Впрочем, я и не стремлюсь к всемирной известности, ни как бард, ни в каком-то другом качестве, да и вообще не склонен к публичным выступлениям, а для меня лично моей игры вполне достаточно. На самом деле, попытка обосноваться в одном из королевств людей стоила мне многих потерь, и потеря профессионализма в игре на гитаре, пожалуй, отнюдь не самая важная из них.

Так уж получилось, что в человеческих государствах я не ужился. С тех пор, как я бежал из дома, мне пришлось хорошенько послоняться по миру. И моя последняя остановка как раз и привела к окончательному пониманию того факта, что с людьми я не уживусь. За полгода до того, как я попал в Империю и нашел, наконец, то занятие, которое меня в нынешних обстоятельствах устраивает, я был наемником. В человеческих государствах инородцев готовы принимать только в качестве мяса для разделки в наемных армиях. Я никогда не стремился стать воином, но мне повезло, что на родине меня обучали не только наукам, но и ратному делу – никем, кроме наемника, я в королевстве людей быть не мог, выбирать мне особо не приходилось. Другое дело, что наемника из меня все равно не получилось. Я неплохо умею драться, активно использую многие из не слишком честных, по мнению остальных рас, приемов сидов, но ведь работа наемника заключается не только в этом, правда? Нет, поначалу все шло даже хорошо. В землях людей постоянно идет война – они грызутся не только между собой, частенько случаются перевороты внутри отдельных государств. Так что наемники никогда не сидят без дела. Неудивительно, что я быстро выбился в сотники – по сравнению с многими из тех бывших крестьян или разбойников, которые от безысходности идут в солдаты удачи, я еще хорошо выглядел. Дело в том, что я не только худо-бедно умею лишать противника жизни, я еще знаю кое-какие основы военной науки, и даже неплохо разбираюсь в тактике.

В конечном итоге, эти-то познания и сослужили мне дурную службу. Я понимаю, что иногда лучше не показывать свои знания там, где не надо, но не всегда могу следовать своим же советам. В результате я стал заметен – а в человеческих государствах нельзя быть

заметным, особенно, если ты не человек. Впрочем, инородцев не терпят нигде – думаю, попади человек к тем же эльфам или оркам, с ним бы тоже не церемонились. Я уж не говорю про моих бывших родичей – сидов. Представить себе человека, живущего в дольмене, просто смешно. К тому же мне приходилось постоянно скрывать тот факт, что я безбожник. Люди ненавидят тех, кто не находится под защитой кого-то из богов, хуже они относятся только к тем, кто выбрал покровительство бога смерти. В этом смысле Империя – рай, для таких неприкаянных, как я, тех, кому нельзя появляться у себя на родине. Да и, если честно, не только для них. Именно поэтому, правящие верхушки большинства стран с такой охотой поддерживают и распространяют все эти истории про Империю, которыми матери пугают маленьких детей и которые выдумываются в самой Империи. И именно поэтому, поняв, что больше нигде мне скрыться не удастся, я отправился в паучью сеть. Тогда я верил всем этим нелепым слухам, и решение двигаться сюда принял просто от отчаянья, вполне понимая, что, возможно, я выбираю нечто еще более ужасное, чем смерть на костре. Хотя никакой другой информации, кроме слухов во внешнем мире, нет, так что неудивительно, что мне было страшно. Удивительно, скорее, что я все-таки решился на такой шаг.

Должен сказать, что, несмотря на общее стремление жителей Империи максимально ограничить поток эмигрантов, к тем, кто все-таки решился на такую радикальную перемену места жительства, здесь относятся хорошо. Пожалуй, даже очень хорошо. Видимо, считается, что раз уж ты достаточно смел и дерзок, и хитер, для того, чтобы пробраться через границу, ты заслуживаешь того, чтобы тебе дали еще один шанс. Не могу сказать, что власти ни разу не пожалели о такой своей политике, но процент случаев с положительным исходом все-таки немного превышает процент случаев с отрицательным. Положительным исходом я полагаю такой, в котором иммигранту удалось как-то прижиться в империи. Думаю, таким, как я, позволено здесь селиться для того, чтобы основное население имело представление о том, что творится за границей. Сейчас все говорит, что мой случай как раз положительный, хотя в первое время я, конечно, в этом сомневался.

Как только я, должен сказать, с большим трудом обошел человеческие кордоны и еще с большим трудом пересек горы, меня немедленно отловили имперские пограничники. Возможно, к моменту, когда меня поймали, я был слишком измотан, но скорее дело в том, что работают здешние пограничники гораздо более качественно, чем их коллеги с другой стороны границы. Я вообще с тех пор, как поселился в империи, начинаю понимать, что совместная работа представителей разных рас обычно эффективнее, чем то же самое, выполненное представителями какой-то одной. И это утверждение относится не только к производству – всем известно, что наконечники для своих стрел эльфы закупают у гномов, а тетиву для луков делают находящиеся практически в полной от них зависимости хоббиты. Гораздо важнее, что повседневные дела, такие как охрана границ, расследование преступлений и даже служение богам, лучше выходит у смешанных команд. Так или иначе, но я оказался в учреждении, специально созданном для работы с выходцами из-за границы и для их адаптации. Первые несколько недель я мучился неизвестностью. И еще бы не мучился – я был заперт в пускай комфортабельной, но все-таки вполне себе тюрьме. Официально это место называется изолятор для содержания нелегальных эмигрантов, и чуть ли не каждый день меня по нескольку часов допрашивали совершенно разные существа о совершенно разных сторонах моей жизни и деятельности до того, как я попал к ним. Характер у меня, если честно, скрытный, да и многое из моего прошлого мне вспоминать не хочется – от хорошей жизни из родного дольмена не бегут и не оказываются безбожниками,

но выложить пришлось все, причем со всеми подробностями, какие я только смог вспомнить. Кроме подробностей моей жизни из меня вытянули все, что я знаю о политической и экономической ситуации в окружающем мире, а также все, что я знаю о самой Империи. Подозреваю, что допрашивавшие здорово позабавились, слушая байки, которые я рассказывал им об их родной стране. Впрочем, не все из этих баек оказались совсем уж далеким от реальности бредом, а некоторые были даже близки к правде.

Но все проходит, и скоро мне выдали документы, в которых сказано, что я – гость страны, имеющий право со временем получить гражданство, и, исходя из моих знаний и способностей, определили на службу в столичной страже. К тому моменту я уже почти смирился с мыслью, что вся эта эпопея закончится задумчивым покачиванием моих бранных останков на виселице, и еще более задумчивым конвульсивным подергиванием ноги, так что новость я воспринял с большим, да что там говорить, просто невероятным облегчением и удивлением.

И впоследствии мне еще не раз приходилось удивляться. Вообще, я не очень понял, в чем заключается именно адаптация эмигрантов, потому что, выйдя из изолятора о том месте, где я нахожусь, я знал не намного больше, чем до того, как туда попал. Сюрпризом для меня было все: и общественное устройство, и отношение к запрещенной везде черной магии, и прежде всего то, как легко здесь уживаются представители разных рас. Любой город из тех, в которых мне доводилось бывать, до того, как я попал в империю, мог похвастаться принадлежностью какому-то одному народу. Чаще всего, конечно, это были человеческие города – от родственников-то я скрывался в человеческих государствах. Ну и дольмены сидов я себе очень хорошо представляю. Так вот, в бытность мою наемником, я сполна хватил презрения и издевок, которое с удовольствием демонстрировали даже те, кому в принципе гордиться было нечем.

Возможно, несостоятельность как раз и есть объяснение такого отношения – если успешному разумному в общем-то наплевать, какой формы уши у собеседника, то таким вот неудачникам нужно гордиться хоть чем-то. Например, тем, что он человек, в отличие от презренной нелюди, которую можно облить помоями и тебе ничего за это не будет. То же самое встречается и у других народов, а уж мои родные сиды вообще считают всех инородцев «недосидами», даже разговаривать с которыми – бесчестье. А империю хоть и основали эльфы, но представители всех рас здесь имеют равные права и так перемешаны, что никому уже нет дела до того, к какому народу ты принадлежишь по рождению. В других местах такого равнодушия нет. Инородцы должны изо всех сил стараться быть незаметными, ибо стоит случиться какой-то гадости – виновных ищут прежде всего среди них. Нет, здесь, конечно тоже бывает так, что в каком-то городе больше, скажем, гномов, чем орков, людей, эльфов и других разумных, но это значит только, что этот город появился возле каких-нибудь шахт или карьеров. И это вовсе не значит, что живущего там человека будут периодически бить, грабить или просто закидывать грязью. Аналогично, в деревнях обычно преобладают хоббиты – просто потому, что у хоббитов лучше всех получается заниматься фермерским хозяйством. Ну а в столице, так же как и в других торговых городах, вообще невозможно вычленить какую-то одну преобладающую расу. Хотя, конечно, случается всякое, и межрасовые стычки не исключение. Основная масса населения на такое смотрит снисходительно. А зачинщиков, как и участников, быстро отлавливают и довольно жестоко наказывают. Так что если недовольные таким космополитизмом и есть, они свое недовольство стараются не слишком афишировать.

Впрочем, к таким необычным нравам я быстро привык – так уж сложилась моя жизнь, что я давно перестал видеть в инородцах врагов. Да, и глупо всерьез думать о таких вещах тому, кого официально исключили из рода. Скорее мне стоит не любить моих бывших соплеменников – сидов, но и от этой блажи я уже тоже избавился. Ну, скажем так – почти избавился. Не сказать, чтобы я не любил сидов, просто я их немного побаиваюсь – уж очень хорошо они постарались, чтобы я не позорил своим существованием их «славный и великий» народ.

Поводов, чтобы поудивляться, нашлось еще предостаточно, но у меня было для этого слишком мало времени. Как только я попал в управление, на меня сразу навалилось достаточно дел, чтобы не смотреть по сторонам, а с головой уйти в работу, и налаживание отношений с новыми сослуживцами. Что и проделывал с успехом до настоящего времени.

Воспоминания о первых месяцах пребывания в империи плавно перетекли в сон. А утром следующего дня я сидел в морге столичного управления стражи и чинно попивал горячий чай из здоровенной колбы. По другую сторону от стола сидел главный и единственный патологоанатом управления – Свенсон, тролль. Единственный и неповторимый. Не так уж много времени прошло с тех пор, как меня угораздило попасть в стражу, и этот парень пока та отдушина, та жилетка, в которую можно иногда поплакаться. Единственная личность, которая примиряет меня с существованием в этом новом и, чего там говорить, непривычном для меня окружении. По идее, должно быть удивительно, что таковой отдушиной не является для меня официальный напарник, и в какой-то степени даже наставник, но по здравому размышлению, ничего удивительного тут нет. Нет, к напарнику, конечно, никаких претензий, но он все-таки за меня отвечает и, чего там говорить, полагаю, приглядывать должен, так что не больно-то расслабишься с ним...

– И вот, представляешь, эта образина, вся опухшая, оживает как раз в тот момент, когда я отпилил ему пол черепушки и вставил в мозги дешифратор, оглядывается и говорит: «Доктор, что произошло? Почему я не чувствую своего тела?» – Тролль прихлебнул из своей колбы. В его колбе чай был изрядно разбавлен чистым медицинским спиртом. Скорее даже, это был спирт, слегка разбавленный чаем. Свен называет этот напиток «коктейль «коньячный»», за характерный цвет и крепость. – До него даже не дошло, что он уже умер, – и тролль счастливо рассмеялся.

Да, юмор у него несколько специфический. Я вежливо похихикал в ответ и сказал:

– Слушай, все это донельзя увлекательно, но давай все-таки вернемся к моему вопросу.

– А, да, точно, – доктор поскущел, – про вашего жмурика я ничего тебе сказать не могу, извини. Он боится. Тут уж вообще что-то странное, он просто не хочет вспоминать, что был когда-то жив. Вообще. Даже имя свое вспомнить не может. Так что я это написал все в отчете, можешь отнести своему драгоценному наставнику, решайте там как хотите, что вам с этим делать.

Я заметил, что Свенсону разговор неприятен. По-моему, он очень переживает неудачу – все-таки лучший некромант на государственной службе, да еще почти с незапятнанной репутацией. Ну кто, скажите, обращает внимание на всякие мелочи? Ну, сделал он из одной понравившейся «пациентки» лича, ну прячет ее у себя дома, так это когда было? Да и кому от этого плохо? Пациентка, насколько мне известно, ничего против не имеет. Говорят у них настоящая любовь...

История вообще-то довольно интересная. Начинал тролль, работая в частном морге для состоятельных граждан. Частные морги существуют только в империи, и только потому, что

здесь не запрещена полностью некромантия. Конечно, мало кто идет работать патологоанатомом, даже среди троллей, которые, вообще-то, традиционно имеют хорошие способности к темным искусствам. Например его родители – довольно богатые и очень интеллигентные тролли, работающие в магическом институте. Так сказать, теоретики. Занимаются исследованиями в области черной магии, конструируют новые заклинания, из разрешенной области.

Разрешенная область некромантии и черной магии – это условное обозначение совокупности заклинаний и обрядов, используя которые маг не занимает силу у темных богов. Как известно, любой бог, отдавая свою силу в долг заклинателю, требует выданное обратно с большими процентами. Но темные боги за свою помощь просят слишком дорогую цену – жертвы. Много жертв, и обязательно разумных, причем лучше всего долгоживущих. Во всех остальных государствах темная магия запрещена именно поэтому. Но не в империи. Здесь ею пользуются почти так же часто, как и стихийной, но, как я уже говорил, использовать можно только свои силы. Надо сказать, это ограничение не сделало темных магов слабыми, здесь замечательно научились пользоваться тем, что есть, и могут дать фору не только светлым колдунам, но и своим собратьям – нелегалам из других стран, использующим даже очень сильные темные ритуалы в своей работе. И вот, родители Свенсона, искренне верящие, что их сын пойдет по их стопам, узнают невероятное известие. Их отпрыск, подающий надежды некромант, внезапно забрасывает учебу и устраивается на работу в один из частных моргов. Так сказать, теория не заинтересовала, и дитяtko решило заняться практикой. Стоит, наверное, пояснить, что это за частные морги такие и почему это решение так возмутило почтенных родителей Свенсона. Частный морг – это такое заведение, которое позволяет состоятельным родственникам покойного в последний раз проявить свою заботу о покойном. Помимо обычных услуг, они предоставляют несколько дополнительных – например, вызов духа покойного, с целью выяснения того, как он хочет, чтобы его бренные останки были захоронены и как должна проходить церемония похорон. Некоторые особо модные покойники иногда, например, выражают желание поприсутствовать на собственных похоронах – за отдельную плату морг обеспечивает им такое удовольствие. Ну и разные мелкие услуги – приведение тела в презентабельный вид, переписка завещания, и прочие удовольствия. То есть ничего, даже отдаленно смахивающего на сколько-нибудь значимые научные открытия от работы в морге ждать не приходится.

Так что неудивительно, что в патологоанатомы обычно идут самые бесталанные некроманты. Худших работников можно найти только на государственной службе – все-таки в частных моргах больше зарплата, и потому – конкурс. А объясняется такое зарывание собственного таланта в землю со стороны Свенсона очень просто – парень страдает некрофилией. Бедняга ужасно мучился от этой своей порочной страсти, скрывал и от родителей, и от друзей, но тут в общем-то ничего нельзя поделать – психическое заболевание, он не виноват. Вот он и не выдержал, отправился работать поближе к объектам страсти. Ну а дальше уже просто случайность – Свенсон влюбляется в молодую девушку-пациента. И она, что самое смешное, даже отвечает ему взаимностью. Что и не удивительно – несмотря на некоторую ненормальность, Свенсон очень интересный собеседник, чрезвычайно отзывчивый, интеллигентный, и покладистый. Да и девушка, безвременно почившая, явно недополучила в жизни любви и ласки, а тут за ней так красиво ухаживали...

Ну а дальше все было предрешиено. Молодой тролль какими-то немислимыми

махинациями вывозит труп своей возлюбленной, делает из нее лича, что уже вообще-то незаконно, и начинает прятать ее у себя дома. Хотя доказать никаких нарушений ни родственники покойной, ни работники морга не смогли – уж очень хорошо он замел следы, из морга его уволили. Ну а потом на него обратили внимание стражники. Уж они-то смогли бы доказать все, что угодно, и тролль бы уже давно отбыл положенный срок на каторге, но то ли о нем похлопотали родители, то ли наше начальство дальновидно решило, что нарушения – нарушениями, а хорошего некроманта на государственной службе как раз не хватает. А, скорее всего, значение имели оба этих соображения, так что вместо каторги молодой специалист получил место в столичном управлении стражи, где и работает до сих пор, вот уже двадцать лет в должности штатного некромастера, а так же заодно, патологоанатома. Ну и, в дополнение к своим основным обязанностям, в случае, если повреждения не слишком серьезные, лечит травмированных или просто заболевших коллег. Некромантия это позволяет. Но это, конечно, не входит в его официальный список обязанностей, а вот что в него входит, так это получать ответы, причем не только у почивших жертв и преступников, но и у вполне живых подозреваемых.

И некромантия – хоть и главный, но далеко не единственный инструмент получения этих ответов. Есть еще такие вполне банальные, как клещи, раскаленные иглы, щипцы и прочий инвентарь, присутствующий в каждой уважающей себя допросной. Хотя об этой стороне своей работы тролль распространяется неохотно – похоже, ему не слишком нравится работать с живыми «клиентами». Но в целом он, кажется, работой вполне доволен – здесь ему попадаются довольно интересные случаи, требующие незаурядного напряжения его способностей. Как, например, тот, о котором идет речь. В общем, начальство закрывает глаза на его мелкие грешки, уж очень специалист хороший. Хотя сам-то он искренне полагает, что его великая любовь до сих пор великая тайна для всех. Угу, тайна, это точно. Я на второй неделе пребывания в страже уже знал некоторые интимные подробности его частной жизни.

Допив чай и послушав еще парочку смешных некромантских историй, я так и вернулся ни с чем к напарнику.

– Шеф, Свенсон ничего не рассказал. Говорит, покойный так напуган, что даже сошел с ума от страха. И теперь ничего сказать не может. Повелитель дохлых карманников, конечно, пообещал, что через пару недель все-таки вытянет из него подробности. Не знаю, как именно. Он сказал, что вроде бы сможет отправить душу куда ей положено так, чтобы воспоминания не стерлись. И тогда уже просто считает их.

– Заметано, – пожал плечами шеф, – значит, ты пока присмотришься к отчетам из Сухого моря и с Южной крепости, и если что-то найдешь, то отправимся в каторжную тюрьму. Инспектировать.

– Почему в каторжную тюрьму? – Удивился я.

– А это потому, тупая твоя башка, что смотреть отчеты надо было внимательнее. Я, пока ты распивал чай пополам со спиртом, потрудился на них глянуть. Ты ведь их уже читал? И ничего необычного, конечно, не заметил?

Я отрицательно покачал головой.

– А вот я просмотрел, и, напротив, кое-что заметил, чтоб на тебя моя бабушка села. Там все так гладко, что поневоле насторожишься. Ни попыток побега, ни бунтов за последний год. Только вот, за последние несколько месяцев шесть трупов. Все умерли от естественных причин. И при этом никаких происшествий. Да у них там раньше недели не проходило, чтобы кто-нибудь не попытался бежать. Нет, сбежать-то как раз ни у кого не получалось, но

пытаться – пытались, и изобретательно пытались. Я тебе как-нибудь расскажу пару историй, у нас их раньше как анекдоты рассказывали. И знаешь, когда все это закончилось? Ровно полтора года назад, как раз, когда туда назначили нового коменданта. Предыдущий-то помер, бедняга, интересный был старикашка. Так вот, новый комендант заступил на должность, и беспорядки как по мановению закончились. А через год смотри – трупы начались. Первой как раз твоя соотечественница откинулась. Нда, веселое было дело. Это я ее туда и засадил. Два года назад отправили. Дезертирка, да. Эльфийка, по-моему. Ну, пожалели ее, как вот тебя, пристроили куда-то, а она пакостить начала. Оказалось она – засланный казачок – чья-то там наемная убийца. И она должна была нашего государя кокнуть. Это только для нас смешно звучит, а за границей-то не знают, кто у нас император и как его у нас охраняют. Красивая сволочь, сначала все шашни пыталась закрутить с кем-то из дворца, а потом, отчаянья, видать, напролом бросилась. Вот с тех пор всяких эмигрантов и проверяют по полтора месяца, прежде чем к делу пристроить. И пристраивают вас по большей части на государственную службу – все под присмотром будете. Так вот, отвлекся. Мало того, что там заключенныедохнут, так и служащие что-тозагибаются, да частозагибаются. А тебе хоть бы хны. Я за час столько странностей заметил, а ты второй день роешься и все прохлопал. Никакой пользы от тебя.

На такие разговоры я даже не обижаюсь. Во-первых, зачем обижаться на правду, во-вторых – орки все такие, против природы не поперешь. Он, конечно, помнит, что возился я не с двумя отчетами, а с несколькими десятками, просто поорать захотелось, вот и придирается. К тому же, кроме меня, никаких странностей не заметили еще с десятков служащих, которые проверяют и перепроверяют эти отчеты по мере того, как они приходят. А шефа еще можно назвать деликатным, по сравнению с остальными его соплеменниками. Но в остальном – замечательные парни, эти орки, надежные товарищи, да и собутыльники классные, тем более, что многие почему-то Бахуса почитают. Наверное, потому что чревоугодники жуткие и выпивохи – что поделаешь, расовая черта... Был у меня один приятель – орк, еще когда я наемным солдатом в королевстве людей был. Классно отрывались с ним, несмотря на то, что первое время я вынашивал планы по его убиению. В качестве мести за прилюдное оскорбление меня. В общем, я пропустил последнюю фразу Огрунхая мимо ушей и поинтересовался:

– Так чего теперь делать-то?

– Не тупи, стажер. Ехать туда надо, такие дела. Самому страшно влом, но ничего не поделаешь, все к тому с самого начала шло. Так что ты вали, собирайся, свободен до завтра, а завтра я за тобой зайду утром. И сделай так, чтобы утром ты был в состоянии хотя бы идти в указанном направлении.

Я с готовностью кивнул, а сам отправился домой. Почти целый свободный день – это проблема. Знакомых у меня здесь уже полно, а вот друзей пока нет. Вариант «посидеть дома, отоспаться, почитать книгу» отпадает, так как меня сразу начинают одолевать непрошенные воспоминания. Призраки прошлой жизни, угу.

Стоило остаться дома в одиночестве, как опять в голову полезли дурацкие мысли. Вот сейчас я начну вспоминать, как бежал из дому, как скрывался от убийц, подосланных заботливой матушкой, как потом оказался в наемной армии королевства людей – так называемом иностранном легионе, как мне потом пришлось бежать и оттуда... Бессмысленное времяпрепровождение, да и неприятное к тому же. В конце концов, все закончилось не так уж плохо. Можно сказать, я доволен своим нынешним положением –

империя вообще, как оказалось, интересное место, а уж работа в страже – вовсе праздник. Временами. Так что жаловаться мне по большому счету не на что.

Утвердившись в этой мысли, я отправился на прогулку. А чего еще делать, собираться в дальнюю поездку мне особо и незачем. Служба наемником научила меня одной важной и полезной штуке – быть легким на подъем. В принципе, я мог бы отправиться куда угодно хоть прямо из управления. Пожалуй, это нетипично для сидов, к племени которых я принадлежу. Мои высокомерные собраты без трех арахнов-слуг с поклажей даже друг к другу в гости не ездят. Я – другое дело. В многочисленных потайных карманах моей куртки уютно устроились пара кинжалов, девять отравленных метательных звездочек, смазанных парализующим ядом (комплект – дюжина, но три я уже давно потерял), универсальная отмычка (смею заверить, взломщик я неплохой) и пара свертков с тем же ядом, что и на звездочках. Почему-то эта отравка действует одинаково на все расы, хотя физиология у нас в некоторых моментах здорово отличается.

Вообще-то, я должен быть в курсе – у меня очень разностороннее образование, матушка постаралась, но с этим небольшие проблемы – те знания, которые я не применяю на практике, давно и благополучно выветрились из моей головы. Ну и, наконец, в крохотном карманчике на рукаве, в наиболее доступном месте – высушенное зелье нечувствительности – вполне драгоценная штука. На полчаса делает меня невосприимчивым практически ко всему – от тех же ядов до боевых заклинаний. Более того, пока действует этот порошок, я буду жить и полноценно функционировать, несмотря ни на какие физические повреждения. Не знаю, как это работает, но вещь поистине полезная и дорогая. Другое дело, что если повреждения смертельные, то после того, как действие закончится, я все равно умру, а если некритические, то просто буду кататься по земле в корчах – эта дрянь, разлагаясь, жутко разъедает слизистые, так что мало не покажется. Да и сама куртка, в которой так уютно разместились все эти вещи, очень качественная и практичная одежда. Материал, из которого она сделана, гораздо легче и прочнее, чем кожа, и может соперничать по прочности с легкими кожаными доспехами. К тому же он не промокает, не пачкается, и не перекрывает доступ воздуха к коже. В нем не бывает холодно, да и жару в одежде из этого материала терпеть гораздо проще, чем в чем-то еще. В общем, полезная вещь.

В кобуре под мышкой у меня штатный арбалет и шесть запасных болтов для него. Из оружия, собственно, больше ничего нет. Крупномасштабных боевых действий в ближайшем будущем не предвидится, так что стандартный набор сида для выхода на прогулку вполне подходит. С тех пор, как мои бывшие соплеменники спрятались от мира в своих дольменах, вооружение наше успело адаптироваться под изменившиеся условия.

Исчезли привычные прошлым поколениям двуручные мечи и тяжелые топоры, которыми так неудобно пользоваться в тесных коридорах, про тугие луки тоже пришлось забыть. А им на смену пришли тонкие кинжалы, отравленные иглы и другие миниатюрные, но опасные орудия убийства. На шее висит опять-таки штатный амулет стражи, который является одновременно и удостоверением личности, и оберегом. Конечно, это не самый сильный оберег, но достаточно качественный. В инструкции говорится, что он блокирует или ослабляет любые чары, направленные на нанесение вреда владельцу. В случае ранения оказывает обезболивающее действие, ну и несет в себе еще несколько дополнительных функций, как, например, запись причины смерти владельца для последующего анализа и защита от кражи – посторонний просто не сможет увидеть медальон, если я сам не захочу его показать. Есть и какие-то еще мелочи, которые я даже не стал запоминать. Между

прочим, разработка новая – до недавнего времени эти медальоны могли только указать причину смерти владельца, ну и защита от кражи тоже работала, конечно. А вот все остальные приятные мелочи мастера смогли добавить только недавно. В общем, я не раз слышал о гораздо более многофункциональных амулетах, но это всегда была штучная работа. Для стандартной, сделанной конвейерным способом вещи, медальон стражи очень неплох.

А заканчивается список моего снаряжения содержимым пояса – в нем лежит неприкосновенный запас – три золотых. Что-то не помню, чтобы мне пришлось хоть один из них разменять – в самом деле, проще кого-нибудь ограбить, чем разменять золотой, уж больно дорого он стоит. Но тем больше они греют мою душу. Если мне когда-нибудь удастся стать незаметным и никому не нужным, на парочку из них я куплю помещение, а на оставшийся переделаю его в бар на свой вкус, найму музыкантов и буду жить на прибыль.

В общем, сборы мои заключались в том, что я бросил в рюкзак пару сменных сорочек и носков, да перекус на время поездки. А после отправился погулять по городу. За те три месяца, что я живу в столице империи, я неоднократно совершал прогулки разной длительности, да и по делам службы пришлось побегать прилично, но я так и не почувствовал, что знаю город действительно хорошо. Каждый раз я нахожу какую-нибудь новую достопримечательность, которую коренные жители таковой могут и не считать, хожу вокруг нее до тех пор, пока не изучу в подробностях, а в следующую прогулку нахожу что-то новое. На все города Темной империи свой отпечаток наложил тот факт, что все расы живут рядом друг с другом, причудливо перемешавшись. Нигде, кроме как в Темной империи люди не потерпят рядом с собой гоблинов, эльфы и сиды – гномов и орков, а гномы – хоббитов. Да и наоборот тоже, если честно. И вообще, здесь все друг с другом, ну, не сказать, чтобы дружат, но уживаются. И успешно уживаются. В остальном мире про Темную империю говорят совершенно ужасные вещи. От одних только описаний кровавых жертвоприношений и оргий, в которых участвуют представители всех рас одновременно, может вывернуть наизнанку. Сейчас я понимаю, что это пропаганда, а когда у меня не оставалось другого пути, кроме как податься сюда, мне было очень страшно. Впрочем, нравы здесь действительно свободные – взять хотя бы Свенсона, с его невестой – личем. Это же некрофилия в чистом виде, и, хотя здесь это тоже вроде как не поощряется, в остальном мире его бы просто сожгли. Вместе с невестой. Так вот, вернемся к городу. Для непривычного меня довольно странно наблюдать, как рядом, на одной улице стоит утопающая в зелени усадьба эльфов, деревянная человеческая изба и шатер орков. Вот только для дворцов моих соплеменников места не нашлось, слишком мало нас в империи. Я пока вообще ни одного не встретил, чему несказанно рад – очень уж не сложились мои отношения с сородичами. Чистейшие предрассудки, конечно, все мои разногласия остались на родине, но все равно было бы неудобно. Вообще, соседство таких разных архитектурных стилей неизбежно должно было привести к тому, что город превратится в несчастного безумного уродца, и жители сойдут с ума вместе с ним – разумным свойственно не только подстраивать места обитания под себя, но и самим подстраиваться под них. Тем не менее, этого не произошло – город красив. Красив очень странную красотой, я даже для себя не могу объяснить, почему извилистые улочки, пересекающиеся с широкими проспектами, и замки, соседствующие с землянками, вызывают не отвращение, а желание любоваться, и даже, наверное, нежность.

А вот в «дома богов» я не захожу. Так уж сложилось, что я теперь атеист – с тех пор, как от меня отказалось семейство, на покровительство Дану я могу больше не рассчитывать.

Хотя, я не совсем уверен, что сиды вообще могут рассчитывать на ее покровительство, с тех пор, как спрятались в своих дольменах. Не любит эта богиня пещер, и их жителей тоже. А мы теперь как раз таковыми и являемся. Мне кажется, с сидами теперь играют другие боги, подземные. Только мои бывшие сородичи никак не хотят этого признать. Тем не менее, после официального расторжения родства я действительно не могу больше считаться «ребенком Дану», а никакому другому богу я так до сих пор не присягнул. Как-то не представлялось случая. Давно пора заключить официальный «контракт», например, с Локи, очень уж моя биография смахивает на дурную шутку – как раз в его вкусе, по-моему, но я откровенно побаиваюсь. Все-таки он темный бог. Ну, официально темный, вообще-то я лично не был бы так категоричен. Думается, у богов там тоже не все так просто, как об этом принято говорить. По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы он сотворил что-то по-настоящему поганое – так, мелкие шалости. Так или иначе, но хотя поклонение темным богам, в отличие от использования их силы, в империи не запрещено, относятся к их поклонникам даже здесь насторожено. Да и я пока всерьез не чувствую, что так уж нуждаюсь в его защите. Не такие у нас отношения, как мне кажется. Поэтому, я считаю себя безбожником.

Быть атеистом в Темной Империи – это еще ничего, тут удивительно мягкие законы, а вот во всем остальном мире это очень трудно. Приходится скрывать, прятаться, изворачиваться... Собственно, это одна из трех причин, по которым я так и не устроился в человеческих государствах, и сбежал сюда. Нет, здесь к таким, как я, тоже относятся настороженно, но все-таки не бегут за дровами в благородном стремлении сжечь «поганого попирателя законов, возгордившегося настолько, что не желает принимать покровительства высших».

За всеми этими размышлениями о божественном я не заметил, что уже стемнело. Так что, вспомнив, что завтра в дорогу, я сделал вывод, что пора поужинать и домой – перед дорогой хорошо бы выспаться. По дороге как раз есть прелестный кабак, с хорошим пивом и чудесными гренками. Да и остальные блюда там хоть и не слишком изысканны, но вполне съедобны. Самое приятное, что в этом кабаке уже вполне привыкли к моему виду и никто, скорее всего не будет пялиться и сочувственно вздыхать. Что не так с моим видом? До недавнего времени все было нормально. Я высокий, походная жизнь избавила меня от лишних (да, пожалуй, и от нелишних) жировых запасов, физиономия тоже меня вполне устраивает. Без претензий на красоту, но, повторяю, меня вполне устраивает. У людей вон сиды наряду с эльфами вообще идеалом считаются. Большие, мудрые глаза, видите ли, волшебный голос... Не знаю, у меня глаза вполне нормального размера, гораздо меньше, чем на тех картинах, изображающих наш народ, что я видел, и мудрости в них тоже пока не заметно, как и во всех остальных частях тела, к сожалению. А послушал бы кто-нибудь, как эти «прекрасноголосые» могут друг на друга орать, в случае чего. Не хуже самой нищей человеческой торговли рыбой на рынке. Но в последнем сражении, в котором мне довелось участвовать на стороне королевства людей, со мной случилось несчастье. Мне отрубили косу. Всю мою роскошную длинную косу до пояса.

Особи мужского пола каждой расы всегда чем-то меряются. Люди понятно чем меряются, гномы бородами, гоблины носами, а сиды... ну правильно, волосами. Так что, думаю, очевидно, какая для меня была трагедия, когда мне в той заварухе отсекали прическу. Приличный такой, метровой длины кусок косы. А коротковолосый сид – это, вообще-то, нонсенс. Сородичи мои, между прочим, такого позора, как правило, вытерпеть не могут.

Некоторые особо впечатлительные рассуждают радикально: «Если я навлек на себя такой позор, то зачем мне жить?» И кончают жизнь самоубийством. Нет, это, конечно, редкость, на самом деле среди сидов идиотов ничуть не больше, чем среди остальных рас, но все равно, такое событие, как потеря волос, приводит как минимум к затяжной депрессии. Меня эта участь миновала.

Я лишился косы, но не лишился жизни – а ведь тот наемник собирался укоротить мне вовсе не прическу, а рост. Примерно на голову. Так что радость от того, что я выжил, далеко перекрыла печаль от потери достоинства. Проблема только в том, что все окружающие, видя такое непотребство, очень бурно реагируют. Ну сиды понятно, молча презирают, а окружающие начинают активно сочувствовать или стыдливо отводить взгляд. Как дети малые. И ведь откуда знают об обычаях сидов, вот, что интересно! Ни одного из бывших сородичей не встречал еще в империи, и при этом многие встречные не путают меня с эльфом, на которых сиды здорово похожи, и, более того, активно сопереживают моему горю. В общем, я не достиг еще таких вершин безразличия, чтобы мне было наплевать на все эти ужимки, поэтому без шляпы я стараюсь появляться только там, где ко мне привыкли. Но у этого есть свои минусы. Если ты завсегдакай какого-то кабака – твое начальство всегда знает, где тебя найти.

Так, собственно и произошло. Я встретил наставника. Честно говоря, я бы предпочел поужинать в одиночестве, но было поздно – шеф хоть и сидит спиной к входу, но уже наверняка унюхал мое появление – у орков очень острое обоняние. Так что я обреченно пожал плечами и молча уселся за его столик. Заказав долгожданного пива с гренками, я все-таки подал голос:

– Шеф, ты меня искал, или просто так, пожрать зашел?

– Одно другому не мешает. Я зашел к тебе на хату, но тебя там не было – где шлялся, кстати? Тогда забурился вот сюда, уж больно тут конину хорошо готовят, да и тебя не пропустишь, я ж тебя знаю, тебе эта рыгаловка всяко милее домашней кухни собственного приготовления.

Я поморщился. На мой взгляд, поедание конины чем-то смахивает на канныбализм. Все-таки лошадь – это верный товарищ, и даже друг. Сейчас я, к сожалению, не являюсь счастливым обладателем лошади – просто некогда будет за ней ухаживать, а на конюха я пока не заработал. Да и не так уж я нуждаюсь сейчас в скакуне. Но животных этих очень люблю и уважаю. А орки, хоть и относятся к лошадям с известным пиететом, как и любые степняки, но отнюдь не гнушаются их при случае есть. Странная любовь, убейте меня боги. Впрочем, орки еще ладно, гоблины, вон, вообще пиявок жрут, и ничего. То есть пиявок-то не жалко, жалко разумных, вынужденных поедать этакую мерзость. Просто трудно порой понять предпочтения некоторых народов.

Я понял, что задумался слишком глубоко, и решил вернуться к разговору:

– Так чего надо-то, шеф?

Шефом я его зову, чтобы не называть по имени. Может быть, для кого-то имя Огрунхай звучит грозно и рокошуще, но только для тех, кто не знает оркского языка. Я – знаю, поэтому мне каждый раз приходится сдерживаться, чтобы не засмеяться, когда я называю шефа по имени. Имена у орков дают не при рождении, а тогда, когда юный орк совершит свое первое значительное деяние. Когда орки только появились в этом мире – а это было очень давно, и неизвестно, пришли ли они из какого-то другого, или были сотворены уже здесь, – им пришлось отвоевывать свое место под солнцем. И тогда получение имени было одним из

стимулов, поводом для совершения чего-нибудь значительного. Множество орков подолгу были безымянными, пока не совершали какое-нибудь деяние. Скажем, отличившись в битве, орк получал имя. Или изобретя какое-то новое заклинание или механизм. Нареченный пользовался огромным уважением, и у него даже, кажется, были какие-то привилегии перед остальными орками – что-то вроде права первой ночи, кажется... Решение о наречении принималось советом племени, и это было очень торжественное событие. Но со временем их раса перестала так много воевать, заняла определенные территории, которые с тех пор слабо меняются, и жизнь их стала более-менее спокойной. К тому же их численность сильно увеличилась, и, как следствие, потребность в наличии имени тоже, а вот возможности его получения как раз уменьшились. Орки менять хорошую, в общем-то, традицию не стали, но выход из положения нашли смешной. Они просто снизили планку для деяния, ведущего к получению имени. И имена детям стали давать чаще всего еще в несознательном возрасте. Так вот – имя шефа переводится просто – Тот, Кто Укусил Огра За Нос. Простенько и со вкусом. Огров почти не осталось – последние живут среди орков, как ближайшие родственники. Выглядят они довольно страшно, но при этом давно утратили свою бешеную ярость. Я не расспрашивал шефа об обстоятельствах получения имени, но подозреваю, что, скорее всего, когда его показывали какому-нибудь огру – приятелю, маленький шеф от испуга цапнул его за нос. Вот тебе и деяние, достойное наречения. Нет, конечно, среди орков все еще встречаются родители, которые ждут от своих чад чего-то по-настоящему великого, но таких мало, и окружающие смотрят на них с легким недоумением – времена не те. Да что там говорить, Огрунхай – это еще ничего. Другой мой знакомый орк, с которым мы частенько вместе напивались, когда были наемниками в человеческом государстве, именовался не иначе как Дромехай, что в переводе с оркского означает Тот, Кто Сожрал Казан Плова. А что, вполне великий подвиг, особенно если учесть размеры этого казана. Впрочем, он его даже во время нашего знакомства один раз повторил. Эх и воплей было из расположения кашеваров, когда пропажа обнаружилась...

Шеф наконец-то соизволил ответить:

– Да ничо. Хотел проверить, как ты собрался, но вспомнил, что ты у нас вроде как солдат, собраты и без меня сообразишь как. Так что мне просто выпить не с кем. А с тобой – всяко лучше, чем ни с кем, гыгыгы.

Этого-то я и боялся больше всего. Я уже говорил, что орки – хорошие собутыльники. Но здесь, сейчас и в такой компании мне пить ну вот совсем не хочется. Во-первых, потому, что завтра предстоит дорога, во-вторых, потому, что мой товарищ очень любопытен. И это – очередная попытка спойть меня и выяснить, как я дошел до жизни такой. И не важно, что спойть ему меня не удастся, пить в обстановке постоянного напряжения все равно как-то неприятно. Впрочем, желание начальства есть желание начальства. Через полтора часа, и пять кружек пива, заботливо разбавленного настырным шефом чем-то гномским и очень крепким, когда мы оба уже не вязали лыка, а я в который раз послушал историю жизни моего собутыльника, он перешел в наступление.

– Слушай, Сарх (это он мне, так меня зовут). Ну ты же мой напарник. Мы же должны друг другу доверять, – слегка заплетающимся языком сказал он. – А я о тебе ни хрена не знаю. Вот как это можно объяснить? Это не свинство с твоей стороны, а? – он подлил мне еще ерша.

– Шеф, ты чего, забыл? Я к вам из королевства людей перебрался, дезертир я. Меня там осудили за то, что я приказу не подчинился и, вместо того чтобы стоять насмерть, увел свой

отряд из мэрии, заманил туда этих, с которыми мы воевали-то, ну, тоже люди, но кому-то там темному поклоняются. Вот, они на радостях, что эту самую мэрию обратно отбили, ринулись туда, а тут мы двери закрыли, а мэрию спалили к хренам. Я ж не знал, что там вся казна городская. Да и мне на эти все драгоценности дурацкие паучьи яйца тогда положить было, которые там похоронились. А нанимателю – нет. Вот на мне и отыгрались, к смертной казни приговорили. Через повешение. Вот я и сбежал к вам, потому что больше податься некуда было.

– Да это я знаю, сам твои показания читал, ты меня с мысли не сбивай. Ты мне скажи, чего ты в наемники-то подался, изначально-то? Знаю я вас, сидов, вас из своих холмов дурацких хрен выковыряешь, тем более, поодиночке. И наемник – сид – это вообще бред. Эльфы – те да, бывают, хоть и редко. Гномы, опять же... – Чего опять же гномы, он не договорил – приложился к кружке. Я сидел весь напряженный, хмель из башки выветрился – как бы так не соврать, не нагубить (мне с ним еще работать), но и правду не сказать?

– Шеф, ну случайно оказался, что ты пристал. Ну ушел из клана, ну деваться некуда больше было, вот и подался в наемники. Ничего криминального я там не сотворил, просто с родичами поспорил...

– Вот ты мне лапшу на уши не вешай, у вас из клана так просто не уходят... – он строго на меня посмотрел.

Вот демон, что же такое сделать? Я уперся взглядом в почти пустой кувшин из-под пива. Как было бы здорово разбить емкость об этого хряка! А утром бы он и не вспомнил ничего, вон глаза-то какие соловые... Хотя нет, бессмысленно. Он этот кувшин и не заметит. Да и несколько у него глаза не соловые, вон как присматривается внимательно. О! А почему бы мне самому не уснуть прямо за столом? Я прокашлялся, вылил к себе в кружку остатки пива и залпом допил. После чего уронил кружку на стол, пробормотал: «Ну не, не просто так, я эта...» – уронил голову на стол, и засопел.

Шеф потормошил меня (надо сказать довольно ощутимо), после чего, проворчав что-то типа: «Эк тебя, вроде же особо и не переборщили», взвалил мое псевдобесчувственное тело на закорки и понес. В сторону моего дома, по-видимому. Вот и пускай тащит, ему не тяжело. Он таких, как я, может три штуки одновременно перетаскивать, танцуя оркские танцы.

Нужно, наверное, немного подробнее рассказать о том месте, куда мы должны в ближайшее время прибыть. Каторга на соляных коях – одна из достопримечательностей империи. Жутковатая такая, стоит заметить, достопримечательность. Как видно из названия, учреждение это совмещает в себе две функции, для каждой из которых оно подходит почти идеально. Первая функция – это собственно добыча соли. На этой каторге добывают две трети всей соли, которая добывается в империи. Больше крупных месторождений этого, прямо скажем, стратегического ресурса в империи нет. Но есть одна проблема – месторождение это настолько адское место, что совершенно неудивительно, что никто, кроме каторжников, заниматься добычей здесь не будет. Каторжники тоже с удовольствием уклонились бы от этой почетной обязанности, но их никто не спрашивает.

Говорят, несколько тысяч лет назад в этом месте было огромное соленое озеро. Точнее, даже не озеро, а филиал великого океана, отгороженный от остального материка непроходимой горной цепью. Но потом, тоже невообразимо давно, случился какой-то катаклизм, который, во-первых, отделил залив от океана очень быстро выросшим продолжением гор, как бы замкнувшим этот залив огромным кольцом и превратившим его в озеро. Ну, а еще чуть позже дно озера немного поднялось, так, что вода перестала в него поступать, и оно постепенно высохло. Так что теперь на этом месте почти идеально круглая равнина, из центра которой до любого ее края минимум неделя пути. Да, неделя пути, по мелкому, белому, соленому песку, которому к тому же не лежит спокойно – днем равнина сильно нагревается, поэтому от ее краев к центру постоянно дует ветер, так что мелкие крупинки песка, перемешенного с солью устраивают грандиозные танцы. Особенно красивое зрелище, говорят, в центре равнины, где потоки воздуха сталкиваются, и образуют небывалой величины и красоты белые вихри. Впрочем, ночью тоже не слишком весело – равнина остывает, и ветер начинает дуть в обратную сторону. В общем, место донельзя живописное, жалко только, что для того, чтобы оценить его красоту нужно иметь каменную кожу и глаза, покрытые стеклом. Иначе приходится немного отвлекаться, и, думаю, на что именно, пояснять не стоит.

В общем, место настолько же живописное, насколько и тяжелое для выживания, и именно поэтому здесь и устроили каторгу. Вернее, построить здесь хоть что-нибудь стоило бы таких затрат, что даже будь эта долина заполнена не солью, а чистейшими алмазами, все равно строительство вряд ли окупилось бы хотя бы за сотню лет. Поэтому, воспользовались тем, что уже было – крепость стоит посреди долины с незапамятных времен – древние легенды говорят, что когда плато приподнялось и высохло, оказалось, что крепость в ее центре уже присутствует. Слабо в это верится, но кто, когда и, главное, зачем ее построил – неизвестно. Имперцы пришли туда, когда она уже была древней. Крепость – основное место существования тех бедолаг, которых приговорили к пребыванию здесь, и тех, кто вынужден их охранять. От оригинальной постройки мало что осталось, кроме круглого основания и широкой крепостной стены из красного гранита. Внутренние постройки пришлось строить, но под защитой стен это оказалось не так уж сложно. И теперь внутри крепостной стены стоят бараки, предназначенные для проживания каторжников, казармы, предназначенные для тех, кто их охраняет – солдат, и разнообразные хозяйственные постройки. Это то, что над землей, а под ней от крепости отходит множество подземных

ходов неизвестного назначения. Вернее, неизвестно, для чего они предназначались раньше, а сейчас ими пользуются каторжники – расширяют их, строят новые штольни и шахты.

С внешним миром крепость связана дорогой. Дорога эта – самая уникальная штука из всех, что я встречал. Дело в том, что по ней нужно двигаться в строго определенном ритме. Очевидно, что пески долины не являются чем-то статичным, они двигаются. Но, так как ветры дуют строго регулярно и попеременно, то в одну, то в другую сторону, дорога эта становится проходимой в строго определенных местах, в строго определенное время. На дороге оборудованы специальные места стоянок, которые становятся доступными по графику, который известен только коменданту крепости и тем господам из столицы, кому он подчиняется.

Так что пройти по ней, не зная графика, практически невозможно. А уж без дороги это невозможно даже в принципе. Проверено теми, кто пытался. Но даже доберись кто-то чудом до края долины, ему нужно еще миновать горную цепь. Тоже интересная задача, из тех, что невозможно решить. Для вывоза продукции, а также для ввоза воды и припасов используют единственный проход в скалах – сочетание магии и технологий. Я в этом не разбираюсь, знаю только, что проход как-то открывают, и грузы на телегах протаскивают с одного конца туннеля в другой. Камень пропускает только неживую материю, поэтому побег тут тоже исключен. Ну а смену для охранников, и новое пополнение для каторжной тюрьмы поступает туда другим путем. Об этом позже.

Каторга сама по себе – это тоже сравнительно недавнее изобретение, конечно, в масштабах Империи. Здесь вообще постоянно что-то меняется, и это приятно. Другие государства не могут похвастаться такой гибкостью. С тех пор, как я попал в империю, я успел почерпнуть множество интересных фактов из ее истории. Например, я узнал, что раньше она имела какое-то название – в мире была не одна империя, как сейчас, и название было нужно. Но постепенно это название потерялось за ненадобностью. То, как ее иногда называют сейчас – «Темная империя». Вообще, не смотря на частые нововведения, государство остается очень стабильным – на протяжении многих столетий успешно отражает редкие внешние нападения, справляется со всеми внутренними противоречиями, при этом не слишком угнетая граждан. Возможно, это происходит потому, что в империи очень сильная центральная власть. Первый император железной рукой навел тот порядок, который ему показался правильным, и за все время существования государства ни один из тех, кто сидел на троне после него, ни разу не ослаблял нажим.

Говорят, поначалу граждане империи пытались бунтовать, но скоро оценили преимущества такой жесткой тирании – страна стала процветать, уровень жизни граждан поднялся. А так как народ не бунтует, то и сильно давить на него не следует. Да и вообще, каждый новый император настолько плотно держит власть в своих руках, что как-то доказывать это ему практически не нужно. И на фоне этого спокойствия, иногда прерываемого войнами – какой-нибудь сосед нет-нет, да и попробует лакомый кусочек на зуб, правители проводят в жизнь различные новшества. Как это здесь называется – развивать инфраструктуру. Были созданы магический университет в столице и технический в одной из провинций. В больших городах появились школы, общественные библиотеки и больницы, и народ успел оценить преимущества этих нововведений. В результате, население страны стало постепенно расти – за последние пятьсот лет оно увеличилось почти в два раза. Впрочем, это еще не скоро станет проблемой – то пространство, которое исторически занимает империя, может принять еще раза три по столько народа. К тому же, как я уже

говорил, население довольно регулярно сокращается войнами. И совсем недавно – всего двести лет назад – появилась каторга. До этого были простые тюрьмы в городах для мелких уголовников, а остальных преступников просто казнили. Законы раньше были суровее, а теперь в моде гуманизм. Да и глупо разбрасываться ценным ресурсом, тем более, что в Империи есть место, будто специально предназначенное природой, или какими-то неизвестными силами на роль каторги.

И вот в эту тюрьму мы и едем с шефом. Говорят, это довольно мрачное местечко – если уж ты туда попал в качестве арестанта, то это навсегда. В эту тюрьму сажают только пожизненно. Сбежать оттуда не только почти не возможно, но и бесполезно. В империи свободные нравы, тут не станут сажать за всякую ерунду. И если уж тебе удалось сбежать отсюда – на тебя объявят охоту. Охотиться будут всей империей, и халтурить никто не будет. Вот, а теперь оттуда дезертировал стражник. И об этом не сообщил комендант. И двигался этот стражник почему-то не в глушь, подальше от правосудия, а напрямик к столице. Поясню: за самовольное оставление поста по головке не погладят. За такое он не просто работы мог лишиться, а отправиться напрямик на серебряные рудники. В помощь гномам. Тоже ничего себе наказание, хоть и не такое суровое, как каторга. А он двигался, и довольно упорно. Но не дошел – умер. От голода, подумать только! Охранник самой страшной государственной тюрьмы умирает от истощения. И даже это не самое странное из того, что связано с этой тюрьмой. Мертвый стражник отказался говорить после того, как с ним поработал наш штатный патологоанатом. Нонсенс. Точнее, не отказался, а просто не смог ничего сказать. Испугаться так, чтобы сойти сума – это нормально. Но испугаться так, чтобы остаться сумасшедшим даже после смерти – это ни в какие ворота не лезет. Не каждый день встречаются покойники, которые не могут говорить от страха. Обычно труп на все переживания наплевать. Наплевать, начхать, положить большую кучу, или еще что-нибудь, продолжить можете сами, в общем, любые прижизненные переживания мертвых волновать в принципе не могут, так же как и их прижизненные психические заболевания. Это тоже закон, вообще-то.

Конечно, патологоанатом Свенсон с неудачей не смирился. Он настырный парень, этот Свенсон, и любую неудачу воспринимает как вызов его профессионализму. Так что говорить покойного он заставит, это точно. Проблема в том, что добиться этого он может только через две-три недели – какой-то очень длинный ритуал, позволяющий сохранить в целости память покойного, при этом дав душе возможность удрать туда, куда ей и положено уходить, когда тело умирает. А уж вытащить воспоминания из тела, лишённого души, проще простого.

В общем, все не безнадежно, но есть проблема. Ждать две недели можно, но это как-то противоречит принципам работы стражи. Даже заключенные не должны страдать сверх меры – хотя для того, чтобы попасть в крепость, нужно быть просто невероятной сволочью. Та эльфийская наемница, о которой рассказывал шеф, скорее исключение, чем правило. В конце концов, девчонка работала на свою страну, ее можно понять. А вот остальные, кто там сидит, далеко не подарки. А тут даже не заключенный, а стражник, да еще в таком состоянии... Так что ехать придется. К тому же, если я хорошо покажу себя, то, возможно, наконец, избавлюсь от приставки «стажер» в названии должности, а вместе с ней и от неусыпного присмотра моего шефа. Только боги знают, как мне осточертели эти ненавязчивые расспросы о моем прошлом, настоящем и планах на будущее. Хотя на это-то рассчитывать как раз глупо. Черта с два меня так порадуют раньше, чем закончится мой «испытательный срок».

Утро было солнечное и ужасное. Выпитое накануне упорно не желало, чтобы о нем забывали, и напоминало о себе головной болью и больным желудком. Любой звук отдавался в голове колокольным звоном, любой свет резал глаза. Ехать куда-то не просто не хотелось, ехать не хотелось так, что проще было убить себя чем-нибудь тяжелым. Но проспать мне не дали. Едва я успел поплескаться в лицо холодной водой, как хлопнула входная дверь (я не говорил, что у моего шефа есть ключи от МОЕГО дома?) и громкий до отвращения голос заорал:

– Собирайся, бездельник, нам пора!

Утешает одно – голос, хоть и громкий, от этого не менее сиплый и больной, чем у меня. Я проорал что-то насчет завтрака, на что получил порцию чего-то нелестного на оркском. Впрочем, ко времени, когда я оделся, по комнате уже плавал запах свежесваренного кофе и яичницы – видимо шеф не успел дома позавтракать, и не смог отказаться от соблазна исправить эту ошибку за мой счет. Тем лучше для меня. Завтрак – это хорошо и правильно, но мне не хватило бы силы воли, чтобы приготовить что-то, кроме кофе.

Наскоро пригладив мокрую шевелюру, я поинтересовался, чем закончилась вечеринка (ну, надо же врать до конца – не могу же я помнить как он меня волок, если был настолько пьян, что уснул прямо за столом?). В ответ получил красочное описание, как мою многотонную тушу волокли сквозь ветер и непогоду, а потом еще заботливо оправляли одеяльце на моих хрупких плечиках. Вот же врет – то! Посмотрев на ожидающую благодарности рожу начальника, я наивно спросил:

– А чего ты тогда меня не разул? Я не люблю спать в обуви... – после чего прослушал короткий нецензурный монолог, в котором шеф убедительно доказывал, какая я неблагодарная скотина. Насладившись шедевром ораторского мастерства, я проворчал, что, мол, ладно, не расстраивайся, но в следующий раз так не делай, после чего благоразумно ушлепал в комнату – собираться. Веселье весельем, но командировка в соляные копи от нас никуда не денется.

Теперь, пожалуй, время рассказать о том, как в крепость на соляных копиях доставляют новых заключенных и смену для охранников. Ну и тех редких счастливцев, которым выпадает посетить эту достопримечательность с какими-то своими целями. Как я уже говорил, проход через горы в целях безопасности, а может и еще по каким-то неведомым мне причинам, действует только для неодоушевленных грузов. Ну а разумных доставляют по воздуху. Вообще для сменных охранников работает летучая платформа, которая совершает рейсы раз в две недели из промышленного городка Уррок, жители которого занимаются снабжением заключенных, обслуживанием охраны, ну и обработкой конечного продукта – соли. Платформа эта – достаточно комфортная штука, особенно по сравнению с тем, что предстоит нам с начальником. Должен сказать, летучие звери редкость даже для империи. Ходят слухи, что где-то на границе есть отдельная летучая рота – целая рота всадников на грифонах, мантикорах и еще каких-то совсем экзотических тварях, которая занимается патрулированием этих самых границ. Конечно, в это верится слабо.

И совершенно точно я знаю, что для быстрой доставки грузов часто используют гонцов на летучих зверях. Эти бедолаги зарабатывают просто астрономические суммы, и все равно мало кто из них долго задерживается на этой работе – слишком уж она вредная для здоровья. Дело не в том, что летать опасно – никто еще не слышал об упавшем грифоне. И даже не в том, что звери эти капризные – говорят, хорошо выдрессированный зверь почти никогда не нападает на хозяина. Да даже если и нападет, наездник имеет неплохие шансы справиться.

Проблема в том, что в путешествии таким способом очень мало приятного. Летучие звери не могут двигаться ровно и прямо, они движутся вместе с ветром, а для набора высоты используют восходящие и нисходящие потоки воздуха. Так что полет на той же мантикоре – это не полет по прямой, а немислимые узоры, похожие на кружева, сотворенные пьяной вышивальщицей.

В общем, такое путешествие – жутко дорогое и не слишком приятное мероприятие, и даже наша срочная инспекция не заставила бы начальство выбрать для нас такой способ. Но, поскольку нам, так или иначе, пришлось бы перебираться через горы, а платформы ради всего двоих инспекторов запускать бы никто не стал, мы с шефом получили в аренду целых двух таких зверей. Вместе с наездниками, конечно. Мне, как более легкому, да к тому же младшему по званию, достался грифон, ну а крупный шеф получил в свое распоряжение такого же крупного мантикора. Шеф, когда выяснил такие подробности предстоящего путешествия, чуть не сожрал меня с костями и кожей – за неимением возможности сожрать истинного виновника предстоящих мучений. И чуть позже я даже немного пожалел, что он этого все-таки не сделал.

К управлению стражи мы оба подошли хмурые и по-прежнему нездоровые. Шеф, обнаружив, что у меня дома нет такого необходимого продукта, как рассол, долго и со вкусом ворчал. Я-то не сказать, чтобы так уж плохо себя чувствовал – крепкий кофе и вкусный завтрак сделали из дряхлой развалины вполне здорового сида, но, пожалуй, тоже не стал бы пренебрегать этим средством. Но вот так уж случилось, что не держу я дома рассола – надобность редко возникает.

У управления нас уже ждали. Звери были красивые. Мне до сих пор не доводилось видеть ни грифона, ни мантикора вживую, так что я с восторгом осматривал «чудеса природы», которые, в свою очередь, настороженно поглядывали на нас.

– Командированные – вы? – грозно прозвучало откуда-то из задницы мантикора. – Почему опаздываете? – Вслед за голосом появился наездник. Голос был басист и рокочущ, потому я даже не сразу заметил его обладателя, который оказался удивительно низким и щуплым человечком. От такого несоответствия я даже поперхнулся. Шеф, кажется, тоже был здорово удивлен – в его раскрытую пасть могли бы поместиться оба моих кулака.

– Чего вылутился, образина? Давай усаживайся и помощника своего усаживай. Ветер уйдет, как полетим, дуру?

От такой грубости шеф опешил еще больше. По крайней мере, вместо того, чтобы немедленно пристукнуть наглеца или, на худой конец, обругать его покрепче, он молча вскарабкался в седло. Наездник, похоже, тоже удивился такой реакции и потому обратился уже ко мне:

– Чего-то у тебя начальник какой-то отмороженный. Ты тоже, давай в седло, сид. Щас напарник с путевыми листами вернется, и двинем. Инструктаж вы, лопухи, прохлопали. Придется в полете разбираться, – ехидно добавил он.

Я в ответ промямлил что-то насчет того, что шеф у меня парень хоть куда, просто стесняется немного (со спины мантикора донесся возмущенный кашель), и что теорию мы и так знаем – знай себе держись, да от пристяжных ремней не отстегивайся. Прослушав в ответ ехидное хмыканье, я осторожно полез на грифона. Умная зверюга вежливо постояла неподвижно, пока я не усядусь, после чего повела плечами, поправляя седло. И я даже от этого не свалился, хотя соблазн был. Через пару минут вышел второй наездник, оказавшийся таким же мелким человечком, и они, вяло переговариваясь, стали дружно пристегивать

каждый своего пассажира. По окончании этой процедуры я почувствовал себя младенцем, чья недобросовестная мамаша вместо того, чтобы присматривать за ним, предпочла спеленать чадо понадежнее, чтобы никуда не уполз, а сама усвистала с подругами пить эль. А в финале на нас напялили еще и по какому-то непонятному наморднику. Испугались, что мы от страха кусаться начнем, что ли? С трудом повернув голову, я имел счастье понаблюдать за таким же укутанным шефом. Сами всадники ограничились длинной страховочной веревкой, привязанной к седлу. К нам они относились больше как к грузу, чем как к пассажирам – удобно ли нам и не жмет ли где, никто не поинтересовался. Хотя мы не обиделись.

И вот дальше началось страшное. Еще во время разбега я понял, что полет мне не понравится. До сих пор я думал, что уж по крайней мере по земле звери ходят примерно так же, как и лошади. Оказалось, нет. По всем ощущениям выходило, что у них не по четыре лапы на брата, а всего одна, и передвигаются они скачками. А потом мы полетели. В общем, я быстро понял, для чего были нужны намордники. Чтобы пассажиры не испачкали благородных животных и спины наездников. Я очень пожалел, что позавтракал, и еще больше – что накануне не воздержался от алкоголя. Судя по стонам и сдавленным ругательствам, доносившимся до меня сквозь свист ветра, шеф тоже очень пожалел. Впрочем, удалось удержать завтрак в себе, а спустя пару часов я даже начал получать от перелета удовольствие. Мазохистское такое удовольствие, надо сказать.

Уррок – это городок, который вырос неподалеку от тюрьмы, и большинство жителей занимается как раз ее обслуживанием. Ну, вообще-то, городом это поселение называется только по традиции – так как сельским хозяйством там никто не занимается, а занимаются обработкой полезных ископаемых, ничем иным, кроме города по идее этот населенный пункт быть не может. Но по размерам он уступает даже многим крупным деревням. Основное население – это административный аппарат, работники соляной промышленности и обслуживающий персонал – те, кто кормят и развлекают отдыхающих от службы солдат, и те, кто занимается доставкой продовольствия для каторжников. Да еще несколько неведомо какими богами занесенных сюда хоббитянских семей, которые возделывают и окультуривают здешние степи. Результаты своего труда они продают тут же, государству, которое, в лице мэра города отправляет их в качестве дополнения к стандартному рациону на каторгу.

Своей стражи в Урроке, конечно, нет. Местечко, с таким-то контингентом, не слишком криминальное, поэтому мелкие нарушения расследуются и наказываются администрацией, а в случае крупных – так тут же под боком всегда есть рота солдат, которые легко могут исполнить и функции стражников, для разнообразия. Так что юридически Уррок находится в ведении «каторжных», на практике же – решает свои проблемы силами своей же администрации. И первое, что нужно выяснить – почему о странностях, творящихся в крепости, не сообщили раньше, сама администрация города? Судя по всему, крепость не участвует в делах города уже довольно давно, а никаких сообщений из города в столицу, как я уже говорил, не поступало. Ну, это самое простое. О нашем прибытии было сообщено заранее, поэтому нас должны были встретить и помочь устроиться на время нашего пребывания в городе на каком-нибудь казенном постоялом дворе.

Встречал нас одинокий, потрепанного вида гоблин в чине секретаря заместителя помощника кого-то там важного. Выглядел он очень типично для гоблина – то есть ростом где-то мне по пояс, субтильный, с отливающей зеленью на солнце лысиной. Губы тонкие,

тоже зеленые, но чуть более темного, чем остальная кожа цвета. Глаза маленькие, блестящие. Умные такие глазки, с хитринкой. В общем, типичный гоблин. Единственное, что приковывало взгляд в его внешности – нос. Судя по его размерам и форме, среди своих сородичей гоблин считался настоящим красавцем. Он с любопытством следил за процессом нашего приземления, а потом очень внимательно выслушал все, что захотелось сказать по поводу перелета моему дражайшему начальству. После чего явно преисполнился к нему уважением и решил считать его главным среди нашего небольшого коллектива. Правильно решил, кстати.

– Рад приветствовать вас в Урроке. – повернувшись к шефу, представился гоблин, рассмешив меня своим забавным выговором. – Меня звать Ханыга, меня направили вам на помощь. Я буду вашим проводником, помогу устроиться. Если у вас есть какие-то вопросы по поводу дела, которое вы расследуете, задавайте их мне, я отведу вас к тому, кто может на них ответить, – вежливо закончил он, настороженно посмотрев на меня. Я не смог сдержать неуместное хихиканье и потому закашлялся, попытавшись это хихиканье скрыть.

Поскольку шеф еще явно не в состоянии общаться цензурно, я ответил за него:

– Очень приятно, я Сарх, младший оперативник столичной стражи, а это мой начальник – старший следователь того же управления Огрунхай из рода Костегрызов. Для начала, пожалуй, мы бы хотели обосноваться и пообедать. Это можно устроить? – я намеренно не стал представляться полным именем. Во-первых, потому что это долго, во-вторых, с тех пор, как родство со мной расторгнуто моими родителями, информация об этом появилась в моем полном имени, и афишировать этот факт мне не очень нравится. И в-третьих, думаю тут мало кому интересны такие подробности моей биографии, как принадлежность к одному из самых могущественных домов сидов. В любом случае, с тех пор, как я работаю в страже, я имею право считать себя оперативником, и больше никем. Государственная служба дает некоторые преимущества.

Тем не менее, такое пренебрежение к собственному имени явно вызвало недоумение у любопытного гоблина, он с интересом стал меня разглядывать. Правда, через несколько секунд взял себя в руки, коротко кивнул, развернулся и засеменил в сторону выхода с площадки аэродрома. Из того факта, что за оградой не наблюдалось экипажа, я сделал вывод, что идти нам не далеко. Так и оказалось – на другой стороне дороги красовалась аккуратная... казарма. Правильно, глупо было рассчитывать на постоянный двор или гостиницу – в таком отдаленном от всякой цивилизации месте держать его не рентабельно. Хотя казарма действительно очень чистая и аккуратная. К тому же разделена на четырехместные «номера». Одна из таких комнат и досталась нам с шефом в полное наше распоряжение – от перенаселения тут явно не страдают. Официально грифоний и мантикорий наездники должны были занять оставшиеся два свободных места, но они остались возле своих зверей – наездники вообще стараются пореже расставаться со своими «небесными скакунами». Комната могла похвастаться четырьмя кроватями, вместе с прикроватными тумбочками, двумя письменными столами, и двумя креслами, а так же, что удивительно – кокетливыми занавесочками на окнах. Ханыга важно сообщил, что обед, так же как и он сам, будет жать нас в трактире напротив (трактир тут есть – а как же, нужно же где-то солдатам спускать пар и заработанное честным трудом жалованье), а пока просил обустроиваться. Все было сказано этим его забавным гоблинским говорком. Я догадался, что он, скорее всего совсем молод и до недавнего времени воспитывался в общине, потому что у взрослых гоблинов, которые общаются не только со своими соплеменниками, акцент

перестает быть заметным. Постояв немного и не дождавшись комментариев, он как-то рассеянно пожал плечами, развернулся и потрусил вниз. Обед организовывать.

Я со своими пожитками разобрался быстро и сел дожидаться шефа, который экипировался гораздо богаче, чем я, и которому, соответственно, требовалось больше времени, чтобы раскидать вещи по местам. Он уже явно оправился от впечатлений утреннего перелета, потому, указав мне на кровать, начал руководить:

– Так, раз уж ты у нас взялся общаться с властями, дуй к мэру и выясни, почему он так скверно относится к своим обязанностям, а я тогда поброжу по городу, выясню, что обо всем этом говорят жители. Вечером встретимся здесь и поделимся впечатлениями, усек? Или хочешь наоборот?

Учитывая мою коммуникабельность, и способность завязывать дружеские отношения с обывателями, а точнее их отсутствие, план был хорош, и спорить я не стал.

Мы отправились в трактир. Наш проводник, сидевший около стойки и любезничавший с пухленькой барменшей-гоблиншей встрепенулся и указал на столик поблизости от стойки. По-видимому было еще слишком рано, потому что кроме нас тут никого не было. Барменша пробормотала что-то усердно натирающему столы хоббиту – разносчику, и он ускользнул на кухню. Не знаю, почему, но приезжих чиновников, даже если они не ревизоры, всегда стараются закормить так, будто от степени сытости приезжих зависит жизнь встречающих. Для начала нам вынесли первое – полную супницу рыбного супа, хотя супницей я это называю только потому, что в ней находится суп. На самом деле, эта емкость здорово превосходит размерами корыто для свиней. Впрочем, шеф, кажется, остался доволен, да и я с удовольствием воздал должное кулинарному таланту здешнего повара. На второе вынесли свиные ребрышки с картофелем, и тоже в количестве, явно превышающем наши возможности. А на десерт – нежнейшее грибное суфле, явно произведение барменши – никто, кроме гоблинов не сможет сотворить из такого тривиального продукта, как грибы, нечто столько восхитительное.

Пока мы боролись за смерть от обжорства, шеф меня непрерывно инструктировал. Вообще, я за ним не первый раз замечаю – особенно сильно его красноречие проявляется как раз во время еды – и это никак не мешает ему поглощать эту самую еду в огромных количествах. Если вдуматься – это довольно сложная загадка – говорить он не переставал ни на минуту, но и жевал тоже всю дорогу. Размышляя над этим странным явлением, я благополучно пропустил мимо ушей самую суть его наставлений. Впрочем, ничего нового он сказать не мог, вопросов к здешней администрации хоть и много, но все очевидные, а в способности распознавать ложь или неуверенность, я, пожалуй, его и сам поучить могу – все-таки у нас, сидов, природное чутье на такие вещи...

Так что я прервал дражайшего начальника на середине речи, отказался от третьей порции десерта и, тяжело поднявшись из-за стола, поманил за собой Ханьгу. Пора, дескать за работу, друг. Ханьга неохотно вылез из-за стойки и, подойдя, вопросительно взглянул на меня.

– Я хочу выяснить некоторые организационные вопросы у вашего мэра. Как к нему попасть?

– А он как раз и ждал, что вы захтите его спросить. Так что он ждет, наврно. Пойдем – и с этими словами он развернулся и зашагал по направлению к выходу.

Да уж, помощника нам подобрали немногословного, но исполнительного. Интересно, это они специально старались, или тут все такие? Если так, то я, пожалуй, поработал бы

здесь и подольше, появишься у меня такая возможность. Раньше со мной такого не случалось. Еще в бытность мою высокородным, слуги, гувернеры и прочий обслуживающий персонал, даже подобранные лично моей матушкой, оказывались редкостными болтунами. Добиться от них четкого ответа на вопрос было очень сложно, а уж ждать точного выполнения инструкций не приходилось вовсе.

Воспоминания, как всегда, неожиданно прогулялись по мозгу, а тем временем мы подошли к конюшне, откуда уже выводили двух скакунов. К лошадям у меня, как я уже говорил, отношение особое. Мне досталась стройная красивая кобылка, необычного серо-бурого цвета, с кокетливым взглядом. Животина сразу же доверчиво подставила морду для «погладить» и довольно фыркнула, когда получила желаемое. Животные меня вообще-то любят. Впрочем, это у нас взаимное. Так что оказаться в седле для меня было очень приятно. Мне нравятся прогулки как таковые, и конные прогулки в частности. В последнее время мне не слишком часто приходилось посидеть в седле, бездумно разглядывая окрестности или просто размышляя о той ерунде, которая обычно мгновенно изгоняется из головы, дабы освободить место для более важных мыслей. А тут такая роскошь – целых два дня подряд сплошные прогулки. Несмотря на то, что Уррок был не слишком многолюдным и не слишком ярким городом, свое очарование в нем было. Для того, кто большую часть жизни прожил в дольмене, среди ошеломительно прекрасных, но все-таки пещер, в любых городах поверхности есть свое очарование. Да и не только в городах.

Я думаю, сиды много потеряли, когда сбежали от проблем внешнего мира, укрывшись в дольменах. А самое смешное, это оказалось совершенно бесполезно – совсем отгородиться от остального мира все равно не получится, и от всех его проблем тоже. Я это понимаю, но вот интересно, понимают ли это мои бывшие родичи, которые проводят жизнь в рисованных замках и охотятся на рисованных оленей? Я думаю, да. По крайней мере, моя матушка это точно понимает, иначе не стала бы рассылать посольства в людские государства, города гномов и эльфийские рощи. Она только никак не поймет, что сиды больше не боги. Да, мы действительно дети богини Дану. И наши предки были не только бессмертны, но и чрезвычайно могущественны. Но даже они уже не были богами – божественность не передается по наследству. Кто знает, возможно, и люди тоже дети и внуки своих богов, а не их слуги? Мне кажется, они просто появились гораздо раньше, чем мы, и уже успели забыть о своем былом могуществе.

Так, неторопливо разглядывая достопримечательности, которых на самом деле было не так уж много, мы и добрались до здания городской администрации. Большое, трехэтажное каменное здание, сугубо казенного вида радовало разного рода домашними растениями, выглядывавшими из каждого окна. Я уже не раз замечал в империи такие контрасты, и они не перестают меня восхищать – возникает ощущение, что государству не до изысков – все его действия чрезвычайно рациональны, доходит даже до откровенной жестокости – но только если того требуют интересы государства. Но работают в империи все-таки обычные разумные (это я опять обобщаю), а разумным свойственно стремиться к уюту.

Мы спешили, передали поводья слугам и поднялись на второй этаж, время от времени уворачиваясь от спешащих куда-то чиновников разных рас. Ханыга, постучавшись, решительно толкнул дверь в конце коридора с надписью «мэр города Уррок, Торин».

Помещение, в которое мы попали, не отличалось роскошью: тяжелый деревянный невысокий стол, мягкие стулья вокруг, шкаф для бумаг, и портреты императора с семейством на стенах. На столе, трубка, перо, чернильница и куча бумаг. А за столом сидит пожилой

гном и, пока я разглядываю кабинет, занимается тем же в отношении меня.

– Доброе утро. Вы, должно быть, гость из столицы, и у вас ко мне вопросы. Присаживайтесь, пожалуйста. Ты, Ханыга, можешь остаться, но лучше подожди подопечного где-нибудь еще, – пророкотал бородач.

Ханыга, кивнув, покинул кабинет, а я, сняв шляпу и представившись, сразу перешел к делу. Надо отдать должное господину мэру, он даже не подал виду, что заметил мое уродство. А может, он и не знал, что такая прическа для представителя моей расы – позор. Какой, однако, приятный гном, этот Торин!

– Вы уже в курсе, уважаемый, по какому поводу мы посетили ваш город. Официальная причина – стандартная ревизия из столицы. Это официальная версия, – я замолчал, ожидая, как отреагирует бородач.

– Я так понимаю, господин стражник, что ваше начальство, наконец, заметило странности, творящиеся на каторге, и решили разобраться?

– Вы догадливы, господин мэр. Это одна из причин, по которой я и нахожусь сейчас в вашем кабинете. Ваш город отвечает за снабжение крепости, так же здесь отдыхает та часть стражи, смена которой еще не наступила, вы должны постоянно контактировать с их начальством. В чем заключаются странности? Может быть, отдыхающие стражники о чем-то говорят? И да, мы заметили некоторые несоответствия. Например, труп одного из стражников, найденный на полпути к столице от крепости. Стражник умер от истощения.

Гном откашлялся, разгладил бороду и пробубнил:

– Вот оно что... Нет, настолько странных вещей мы здесь не замечали. Но что-то там определенно происходит. Я в ваши дела стараюсь не мешаться, так что подробностей не знаю. Но вот ведет себя народ непонятно. Ничего криминального нет, просто болеть стали чаще. К аптекарю нашему зачастили. Раньше, как норму привезут из долины, так кабак только что по бревнышку не раскатывается, ходуном ходит. Теперь вон даже трактирщик жалуется – нет никого, прибыли нет. Или придут поодиночке и давай молча напиваться. Да и соли из-за гор стало меньше приходить. В пределах нормы, это да, но меньше, чем раньше-то бывало. А у коменданта тамошнего я выяснять, уж извините, не стал. Не мое это дело, да и общаться со всякой высокородной сволочью... – Он растерянно замолчал, но потом, видимо, решив говорить откровенно, решительно откашлялся и продолжил: – Извините, что я так про высокородных, к вам это не относится, наверное. Да только с некоторыми спесивцами общаться – толку никакого, только как в дерьме, уж простите, искупаешься... – и он замолчал, поняв, что все-таки переборщил с откровенностью.

– Не смущайтесь, уважаемый Торин. Меня теперь и высокородным-то назвать нельзя, я официально изгнан из рода. Так что вы отчасти правы, – поощрительно улыбнулся я.

– О! Ну вот! – Он с облегчением вздохнул. – Так, я и говорю, за последние два года коллеги ваши как пришибленные стали. Вы же знаете, у нас, если что по вашей части происходит, так мы к ним обращаемся. Так теперь, если что происходит, они с таким рвением за расследование берутся! Лишь бы в крепость не возвращаться. Тут недавно вампир заезжий был – псих какой-то, решил на разумных перейти, гурман. Так они его мало поймали, потом еще полмесяца допрашивали. Бедняга, прежде чем в психушку отправился, такого натерпелся от их старательности, что я даже не знаю, от чего его теперь лечить будут – от шизофрении или нервного истощения. Я понимаю, что о странностях должен начальству сообщать, да только как о таких странностях сообщить? Все официально, никакого криминала.

– Ясно. – Я встал и прошелся по кабинету. Почему гном не стал ни о чем сообщать наверх, очевидно – в провинциях никогда не стремятся общаться со столицей больше, чем положено. Все вопросы привыкли решать сами, а начальство лучше не трогать – себе дороже выйдет. Его можно понять, и, хотя в данном случае это ужасно некстати, даже не в чем толком обвинить. В любом случае, трения здешнего начальства со столичным меня не касаются. А вот то, как мэр относится к начальнику тюрьмы, очень показательно. Что-то мне подсказывает, что у него есть, о чем спросить.

– Конечно, вы правы, но в данном случае лучше было все-таки сообщить наверх. Дело в том, что бедняги явно чего-то боятся. Да и среди заключенных смертность резко подскочила. Начальник тюрьмы, вместо того, чтобы беспокоиться о безопасности подчиненных и преступников, занимается неизвестно чем, шлет какие-то невнятные отчеты в столицу, а о том, что там творится в действительности, ни слова не пишет! Впрочем, не буду вас винить, это не мое дело. Вы, конечно, ничего не пытались выяснить самостоятельно?

– Нет, я – не пытался. Но некоторые жители любопытствовали. Только это бесполезно – солдаты молчат, как воды в рот набрали. Если бы им просто запретили рассказывать, все равно кто-то да проговорился бы по пьянке. Тут явно что-то другое. Вы попробуйте с аптекарем нашим поговорить, вон Ханыга проводит. Что-то там такое непонятное происходит, уж поверьте.

Я поблагодарил осторожного гнома, позвал Ханыгу и отправился к аптекарю. Лавка его оказалась совсем не далеко, и уже через четверть часа я пил горячий травяной чай с седеньким, лысоватым гоблином. Гоблин явно обрадовался нашему приходу, особенно – приходу Ханыги.

– Ох, ваша светлость, этот паршивец – сынок, мой младшенький, от младшей жены. Не пожелал, дурачок, традицию семейную поддержать, по государственной линии вот пошел. Совсем на отца плюнул, только и заходит, что по делу. – Укоризненно покачал головой аптекарь.

Ханыга в ответ что-то угрюмо пробормотал, про то, что долг родной стране надо отдавать, а аптекарей у них в семье и без него хватит. Чай, четыре брата только родных да семнадцать сводных.

У гоблинов довольно забавный семейный уклад. Дело в том, что у этой расы очень плодовитые женщины. Они очень быстро, меньше, чем за полгода, вынашивают потомство, и рождается у них часто не по одному, а сразу по нескольку гоблинят. Если бы не одна проблема, гоблины давно стали бы самой многочисленной расой в мире. Конечно, они еще и одна из самых короткоживущих рас – пятидесятилетний гоблин – глубокий старик, и вообще – редкость. Чаще же они не доживают и до сорока. К тому же в детстве гоблинята отличаются просто чудовищным любопытством, их интересует буквально все, и именно поэтому детская смертность среди них очень велика. Некоторые, и повзрослев, продолжают совать свой нос куда не следует, за что и страдают. К тому же родителям обычно трудно уследить за каждым из своего многочисленного выводка. Хотя эти факты не помешали бы им заселить весь мир, и, возможно, даже вытеснить другие расы. Но, как я уже говорил, есть одна проблема. А именно – если женщины-гоблины чрезвычайно плодовиты, то среди гоблинов – мужчин хорошо, если один из десяти способен завести потомство. И это при том, что мальчиков-гоблинов рождается примерно в два раза больше, чем девочек. Конечно, к моменту взросления численность их сравнивается. И потому семьи у них не такие, как

у остальных рас. Во-первых, каждый небесплодный гоблин должен обзавестись гаремом. Он становится главой нового клана только по той причине, что может зачать ребенка. С ним вместе в новый клан переходят все его родные братья. Теперь они должны десятую часть своих заработков отдавать новому главе клана. Так же должны поступать и все его взрослые бесплодные сыновья.

Это нужно для того, чтобы он мог содержать своих многочисленных жен. При этом невозможность иметь детей для гоблина не отменяет возможности для него семейного счастья – многие из жен главы клана женаты дважды – и второй раз уже на любимом мужчине. Подозреваю, что именно этот факт породил в государствах-соседях империи дикие слухи о повальных оргиях среди здешних жителей. За границами империи гоблинам запрещают селиться кланами где-то, кроме их родных болотистых лесов – чтобы не подрывали нравственность населения. Впрочем, насколько мне известно, слухи эти действительно небеспочвенны – но только в отношении гоблинов. Представителей других рас они на такие мероприятия, кажется, не приглашают. Меня не приглашали, по крайней мере.

В лавке царил уют и порядок. По стенам развешаны сушеные травы, в холодильных шкафах разложены более современные препараты, а также производные этих самых трав в виде бутылочек с различными снадобьями.

– Я по поводу ребят из крепости, которые к вам зачастили, отец (к главам кланов принято обращаться именно так).

– Да я не дурной, сам уже догадался. Только не знаю, помогу ли чем. Болеют, да, многие. Не все – некоторые лукавят, но мало таких. А чем болеют – не ясно. Все по-разному. Кто простывает, у кого суставы болят, у кого зрение ухудшается. Кровь у многих портится. Ты ведь не лекарь, объяснить не могу тебе, но плохая кровь у многих. И не лечится оно, как будто и не зараза вовсе. Само проходит, а только как с крепости вернется солдат – так снова больной. И все по-разному, все. Общее только, что слабость. Вялые ходят, сонные. Аппетиту нет. А и вообще, их заметно меньше стало, солдат-то! То ли не пускают их в увольнение, то ли сами не хотят, а может, и еще чего похуже, только раньше, как поезд с солью прибывает – в городе чуть не полгарнизона. А теперь четыре стражника – ровно как в уставе записано. Я уж и не лечу их, укрепляющие сборы даю только. Мясо сырое есть заставляю. Говорят, помогает им, только все равно одолевает недуг. – Пожилой гоблин говорил, в отличие от его сына очень грамотно, почти без акцента.

Я уточнил еще некоторые подробности и вежливо попрощался с патриархом. Пора было идти на встречу с шефом – пока я общался с мэром и аптекарем, наступил вечер.

– Ну что, слышал, какие здесь дела интересные? Что говорит мэр? – Встретил меня в трактире шеф.

Я пересказал содержание разговоров и предложил шефу поделиться идеями.

– Мне добавить особо нечего. Жители рассказали примерно то же самое, а со сменой я особо не общался – не хочу, чтобы в крепости подготовились. А они содержание разговоров обязаны начальству передавать. Так что здесь больше светиться не будем, все равно ничего нового не услышим. Завтра с утра на место отправимся. Все, пиши отчет, и спать.

Переночевав, мы с шефом поняли, что в городе ловить больше нечего и пора нам отправляться в крепость. Щуплый Ханыга, который должен был опекать нас и на каторге, но для которого никто не собирался выделять отдельного летучего зверя, был намертво примотан ремнями к шефу – мантикор более грузоподъемное существо, чем грифон, он лишние тридцать килограммов даже не заметит. Новый перелет был еще тяжелее первого – полеты над скалами, в разреженной атмосфере, комфорта ему не добавили. Но это уже не было такой уж проблемой – привычка. Проблемой стало то, что звери в упор не желали приземляться на специально отведенной для них площадке. Они вообще отказались приближаться к крепости – сделав пару широких кругов вокруг нее, они дружно развернулись назад, не обращая внимания ни на какие понукания наездников. В конце концов, мы с грехом пополам сели на дальних подступах к крепости – где-то на горизонте она виднелась, но идти до нее было не меньше шести километров. Наездники виновато развели руками. А не баловавший нас до сих пор своими разговорами грифоний всадник неожиданно разродился речью:

– Звери волнуются, ваши милости. Вы бы, может, поостереглись туда, опасно. Они дрессированные, просто так не капризничают. Значит, беда там какая-то. Звери капризные, черного не любят, так что это оно и есть, не иначе. Давайте возвратимся, ваши милости? Вы бы подкрепление какое себе вызвали, платформы дождались бы и уже тогда отправились... Да и мыслимо ли дело пешком, да по такой жаре, по этой гадости белой так далеко идти? А то вы ить пропадете там, а с нас спросуют...

Шеф подумал. Потом сплюнул на песок, а потом длинно выматерился. Еще подумал.

– Ладно, советовать своей летучей твари будешь. А мы сами с мозгами. Пока мы там ждем, тут люди сидят в этом, как ты говоришь, «черном». Летите, летуны. И Ханыгу захватите.

Ханыга насупился.

– Гспадин начальник, почто унижаешь? Нльзя мне вас бросить, я з вас отвечаю. Да то н весь род пзор бут, если я вс тут оставляю. Я н тбе подчиняюсь, мне приказ – тбе сопровождать.

Орк от такой отповеди опешил, а потом начал заводиться. Думаю, раздражение накопилось, а мелкий гоблин очень удачно спровоцировал шефа на то, чтоб его выплеснуть. Челюсть начальника медленно выдвинулась вперед, кожа на лице потемнела. То есть она, наверное, не только на лице потемнела, но про остальное я с уверенностью говорить не могу... В общем надвигалась буря. Надо сказать сценка «мой шеф в ярости» – зрелище не для слабонервных. Я слышал, что некоторые криминальные элементы после ее просмотра конфузились самым позорным образом. Но Ханыга меня снова удивил. Глядя на все эти изменения, происходящие с лицом шефа, он сжался, втянул голову в плечи, но упрямо наклонил голову, как будто собирался идти против ветра. Я понял, что беднягу надо спасать – в таком раздражении шеф может нанести нашему проводнику тяжелую моральную травму. Да он и физическую может, наверное. Пришлось вызывать огонь на себя:

– Шеф, шеф, ты чего возмущаешься? – беззаботно спросил я, плавно перемещаясь между шефом и Ханыгой. – Парень правильно говорит, у него приказ...

Взгляд шефа сфокусировался на мне. И взгляд этот ничего хорошего не предвещал.

– А тебя кто вообще спрашивает, высокородная твоя морда! Я что, пропустил тот гребаный момент, когда ты стал моим начальником?! – Шеф попытался схватить меня за грудки, но, конечно, промахнулся. Хотя увернулся я с трудом – от такого мощного акустического удара у меня слегка нарушилась координация. – И не смей уворачиваться, когда я тебя хватаю!!!

Последний крик уже вообще слабо походил на членораздельную речь – эти звуки могли поспорить с ревом дракона, у которого разбили яйца. Дракона мужского пола, я имею в виду. Но на этом истерика прекратилась – шеф быстро спускает пар, хотя и шумно, должен заметить...

– Ладно, проехали, – успокоившись, прорычал он. – Но если ты, сморчок зеленый, устроишь мне какие-нибудь проблемы, я тебя закопаю живьем, понял? – Это он уже гоблина.

Гоблин с готовностью закивал головой, а когда шеф отвернулся, чтобы заодно выдать ценные указания готовящимся к отлету наезднику, признательно кивнул мне. Я подмигнул в ответ – дескать, не за что, приятель, потом сочтемся.

Дождавшись, когда наши летуны оставят нас в одиночестве, мы двинулись в сторону крепости. Прогулка обещала быть интересной – хотя утро только началось, ветер уже постепенно набирал силу, и песок, конечно, и не думал лежать спокойно, а в невероятных количествах засыпался под одежду и в сапоги. Хорошо хоть ветер дул в спину. Температура тоже и не думала оставаться комфортной – жара набирала обороты, постепенно поднимался ветер, который подталкивал нас в спину и заодно килограммами засыпал соленый песок за шиворот и в волосы. Мы порадовались, что до крепости, вроде бы оставалось совсем немного – в противном случае, идти пешком было бы верным самоубийством. Шеф, как самый выносливый, двигался впереди, прокладывая дорогу. Я же шел последним, потому что мы опасались, что subtilный Ханыга отстанет. Но он двигался на удивление бодро – возможно, потому, что был несравнимо легче шефа и гораздо меньше проваливался в песок, щедро разбавленный мелкой, колючей солью. Сам я тоже особых сложностей не испытывал, во-первых, потому что тоже не отличаюсь крупными габаритами, а во-вторых, потому что нас, сидов, с детства учат правильно двигаться. Хотя это путешествие в любом случае приятным назвать язык не поднимался. Где-то на полпути, когда мы все, особенно шеф, порядком вымотались, он умудрился провалиться в зыбучий песок. Да так быстро, что к тому моменту, как мы его догнали, он уже по пояс сидел в песке. Мы с Ханыгой растерянно остановились на краю зыбкой области.

– Шеф, как ты умудрился?

– Да вот умудрился как-то. Вы будете выяснять, как я это сделал, или все-таки поможете? – растерянно пробурчал шеф. – И желательно побыстрее, а то я продолжаю проваливаться.

– Будем помогать. У тебя веревки нет?

– Нет. Я в казарме оставил.

– Молодец. Это было грамотное решение. Плащ с себя снять можешь?

Пока шеф снимал плащ да пока я связывал его со своим, его затянуло уже по плечи. Вытягивать тяжелого орка из песка – нетривиальная задача. Сначала у нас даже начало что-то получаться. Мы с Ханыгой уперлись изо всех сил, шеф активно пытался нам помогать – больше морально, чем физически. От его утробного рычания пополам с отборнейшими ругательствами силы наши удесятерились, и нам даже показалось, что еще чуть-чуть – и шеф окажется на твердой земле. Я сам не заметил, что мои ноги уже по колено погрузились

в песок. Кажется, Ханьга в последний момент что-то заподозрил, но неожиданно шеф скрылся в песке с головой, а я, конечно, не успел разжать руки. Гоблин тоже не успел. Коротко заорав, мы нырнули вслед за шефом. Недолгие мгновения полной дезориентации, и мы все сидим, отплеываясь в каком-то помещении. Шахта. Никакой это был не зыбучий песок, просто шахта, подошедшая слишком близко к поверхности. Настолько близко, что ее свод не выдержал веса тяжелого орка и проломился.

Кое-как вытряхнув песок из одежды и ушей, мы стали осматриваться.

– Дальше, я так понимаю, пойдем под землей? – спросил орк, глядя на дыру, через которую мы сюда попали. Точнее на то, что было дырой – теперь там была только куча песка. Мы с гоблином посмотрели туда же. Я облегченно вздохнул – мне совсем не нравилась «прогулка» по соленой пустыне, а подземелья – это практически родные места. Всем известно, что представляют собой дольмены сидов. Дольмен – это холм, в недрах которого мы живем. Те немногие представители иных рас, которым посчастливилось побывать в местах обитания нашего «гостеприимного» народа, видели прекрасные рощи и луга, которые чудесным образом оказывались глубоко под землей. Ключевое слово здесь – чудесным образом. Немногие знают, что на самом деле это всего лишь красивая иллюзия. Нет, это не бахвальство и не попытка показать свое могущество, просто когда-то, очень давно, мы тоже жили на поверхности, и этими иллюзиями мои бывшие сородичи пытаются заглушить тоску по прежней жизни. Хотя даже среди самых древних сидов найдется немного таких, кто действительно помнит жизнь на поверхности. И тем более не многие знают причину, по которой мы живем в дольменах – просто потому, что не хотят помнить, уж очень эта причина неприятна для гордых и чванливых сидов. Мы сбежали. Неизвестно, откуда в мире появились люди, но эта молодая, агрессивная раса стала занимать наши поля и рощи. У сидов не хватило сил, чтобы изгнать их, а гордость не позволила жить рядом с людьми, которых мои предки даже не хотели считать разумными. Остальные расы все-таки смогли договориться с человечеством. Гномам было легче всего – в их горы люди соваться не стали. Но и другим, тем, кому пришлось потесниться, удалось как-то выйти из положения. Гоблины, тролли, орки (хотя они-то как раз появились еще позже, чем люди)... Даже высокомерные эльфы, хоть и забрались глубже в свои дремучие леса, все равно не слишком пострадали. И только мы, гордые сиды, отказались идти на компромисс. Больше века мы вели войну, не желая понимать, что в этой войне нам не победить. А когда нас осталось так мало, что воевать стало просто невозможно, сиды ушли в дольмены. С тех пор прошли многие тысячи лет, и эту историю даже мало кто помнит. Моя мудрая магушка с самого начала готовила меня к жизни среди людей – я должен был стать послом и потому эту историю знаю. Но, как я уже говорил, это не слишком распространенное знание. Народ привык жить под землей, традиции изменились, изменилось мировоззрение.

О прошлом напоминают только эти самые иллюзии. Очень качественные иллюзии, но сил наших магов, конечно, не хватает на то, чтобы преобразовать все те пещеры, что мы выстроили. К тому же наша численность постепенно восстанавливается, и мало кто из молодых сидов считает нужным тратить силы и средства на такой глупый самообман. Так что сегодня наши подземелья преобразованы едва ли на четверть – остальные пещеры хоть и украшены, и неплохо освещены, но уже ничем не напоминают поверхность.

Так что для меня эти шахты большой проблемы не представляют – я здесь, можно сказать, как рыба в воде. А вот шефу здесь явно не нравится. И не удивительно, здоровенному орку просто-напросто тесно. Он не может выпрямиться во весь рост, ширина прохода едва-

едва превышает богатырский размах его плеч. Нда, как бы еще клаустрофобия не разыгралась...

– Ладно, шеф, успокойся. Может, дальше будет попросторнее. Нам же всего и надо, что только до крепости дойти...

– Эт нверное заброшенная шахта, – внезапно подал голос доселе молчавший гоблин. – Я слышал, что здесь много таких. Я дмаю, мы скоро дойдем до действующих разработок. Кто-нить из рабочих прведет нас. К тму ж вы длжны выяснить, чт здесь присходит. Все равно бы пришлось спускаться.

Шеф сплюнул.

– Я так понимаю, вы тут оба умные и только я один идиот. Так вот, может, вы мне объясните, куда нам идти? Я вижу два направления, и в котором из них начало шахты, а в котором тупик, я понятия не имею. Может, ты меня просветишь, высокоумный гоблин? – саркастически осведомился он.

– Ну, это просто. Это тебе и я могу сказать, – вклинился я. – Я думаю, нам нужно двигаться в том же направлении, в котором мы шли до сих пор, логично?

Шеф пожал плечами и молча двинулся вперед. Ему явно было здорово неуютно. А вот мне здесь нравилось намного больше, чем на поверхности. Прохладно, песком за шиворот не сыплет, свет глаза не режет (хотя могло бы быть и посветлее, конечно, идти приходилось на ощупь), пол твердый, а то, что воздух немного затхлый – так ничего страшного, я к такому вполне привычен. К тому же какая-то вентиляция тут все-таки есть...

Через пару сотен метров я заметил, что начал различать стены и пол. Либо глаза привыкли к темноте, либо... Так и есть, где-то неподалеку источник света.

Орк остановился.

– Это чего, у меня глюки, или впереди ответвление?

Это были не глюки. Мы осторожно подошли к боковому проходу, контуры которого слабо светились в темноте. Когда до него оставалось с десятков шагов, от туда послышался голос:

– О, да у меня снова гости. Прошу вас принять гостеприимство одинокого отшельника.

Мы удивленно переглянулись. Откуда здесь отшельник? Мы протиснулись сквозь узкий проход и оказались в небольшой уютной пещерке. На полу у стены валялся лежак, на вид состоящий из старых тряпок. У другой стены красовался огромный камень с плоским верхом, и рядом еще один, поменьше. Эти предметы явно использовались в роли стола и стула – на большем камне нашлись письменные принадлежности, а на меньшем сидел скрюченный старик человеческого рода, в лохмотьях, и с любопытством нас рассматривал.

– Ух ты, да у меня необычные гости. Вы ведь из внешнего мира, я прав? Как же это вас ко мне занесло? – удивленно спросил старик. Выглядел он роскошно – длинная седая борода, такие же длинные волосы, но глаза живые и любопытные. Правда, борода не радовала чистотой, да и одежду любой нищий даже в самом бедном человеческом городе предпочел бы пустить на растопку. Но и в таком жалком одеянии старик производил впечатление скорее испытывающего временные затруднения ученого, чем побирушки.

– Мы здесь случайно, господин отшельник. Мы прибыли на каторгу для расследования одного дела, но так случилось, что сразу попасть в крепость нам не удалось. Мы шли по пустыне, а потом случайно провалились в эту шахту. Дальше пришлось идти под землей, путь, которым мы попали сюда, засыпало песком. Меня зовут Сарх, я стажер столичного отдела расследований. Это мой начальник, уполномоченный Огрунхай. Ну а это – я указал на

гоблина – Ханыга, он наш проводник. Не объяснишь ли ты нам, уважаемый, кто ты такой и как случилось, что ты здесь живешь? Я слышал, что в шахты спускаются только каторжники, но на ночь они возвращаются в крепость.

Шеф аж задохнулся от такой откровенности. Он явно собирался потребовать объяснений у старика, не утруждая себя представлениями. Я специально отобрал инициативу у орка, мой шеф, конечно, привык общаться с ворами и убийцами, но мне кажется, что этого старика грозным рыком не напугаешь.

– Хм. Боюсь, господа мои, вам не слишком понравится мой ответ, но также думаю, что по сравнению с тем, что здесь с недавних пор творится, мои грешки слишком мелкие, чтобы такие важные ревизоры, аж из самой столицы, обращали на них внимание. Я попал сюда очень давно, и вынужден констатировать, что вполне заслуженно. Я долгое время жил, как все мои товарищи по несчастью, каждый день выходил на работу и каждый день возвращался в барак. Прошло много лет, прежде чем я смирился со своим положением и понял, что никогда не выберусь из этих мест. Вынужден признать, что каторга в моем случае – это действительно исправительное учреждение. Я раскаялся в своих грехах. Вы знаете, я когда-то был неплохим ученым. Магия тьмы, магия смерти, о, в молодости я был очень увлекающейся натурой. В моих экспериментах я заходил за границу дозволенного моралью и законами. На моих руках много крови невинно замученных разумных, но тогда, что мне тогда было до этих жалких, необразованных глупцов! Наука требует жертв! Впрочем, меня вовремя остановили, и все закончилось тем, чем оно закончилось. Теперь я почти не жалею об этом, я действительно был чудовищем, и вряд ли смог бы с такими принципами принести много пользы для науки. Но я отвлекся. Я рассказываю для того, чтобы вы поняли – я маг, и магия осталась со мной и после того, как я попал на каторгу. Как уже говорил, я постепенно изменился. Я стал наблюдать за этими бедолагами, моими товарищами, стал сопереживать им. Я стал применять свою магию для того, чтобы облегчить им страдания. Магию смерти очень легко применять для лечения – жизнь и смерть связаны настолько тесно и так легко превращаются одно в другое... Вы знаете, здесь часто требуется врачебная помощь, а гарнизонные лекари не слишком квалифицированный народ. Обо мне пошла слухи, ко мне стали обращаться, и иногда даже солдаты. Я никому не отказывал в помощи, и те, кому я помог, обычно не оставались в долгу. Никогда не требовал плату за помощь, и, стыдно признаться, люди стали думать, что я чуть ли не святой. Они всегда старались меня чем-нибудь одарить, а мне было неудобно отказываться. Да и не такой уж я святой – мне трудно отказаться от всяких приятных мелочей, особенно если мне их дарят от чистого сердца. А потом, произошел тот случай. Меня завалило в шахте, и все подумали, что я мертв. Завалило так основательно, что работу в шахте решили больше не восстанавливать, и меня даже не стали откапывать. Обычно, если случается несчастный случай, тела поднимают наверх и там хоронят, но бывает и так, что до трупа добраться трудно. В моем случае было так же, в журнале начальника гарнизона появилась запись о том, что заключенный за номером 6149 погиб, и обо мне забыли. Но дело в том, что я на самом деле не погиб, как видите. Мне удалось выбраться, и я решил не возвращаться. Видите ли, я подумал, что раз уж никогда не вернусь во внешний мир, почему бы мне не устроиться с максимальным комфортом здесь? Я выкопал эту пещеру не один, конечно, мне помогали другие заключенные. Эти славные парни и девушки не стали выдавать меня начальству. Они по-прежнему приходят ко мне за помощью, а взамен снабжают меня пищей и другими необходимыми мне вещами. И теперь моя помощь требуется гораздо чаще. Я не знаю, по

какой причине вы решили провести эту вашу инспекцию, но ее следовало бы провести давным-давно.

– Знаете, уважаемый, о проблемах каторжан стало известно совсем недавно. И мы даже не знаем, что конкретно здесь не так. Может быть, вы прольете свет на эту историю?

– О, я непременно расскажу вам о том, что здесь происходит. Но, боюсь, мне немного известно. Да и вообще никто из заключенных не может похвастаться осведомленностью в происходящем. Вам известно, как давно здесь всем заправляет новый комендант? Так вот, про него сразу пошли неприятные слухи. Сначала стали пропадать некоторые заключенные. Ночью за ними приходили стражники, и они больше не возвращались. Ребята пытались расспрашивать солдат, но они как воды в рот набрали. Стражники – нормальные простые разумные, здесь не принято было издеваться над заключенными. Нет, исключения, конечно, бывали, но обычно это пресекалось коллегами зарвавшегося стражника. С ними всегда можно было перекинуться парой слов или попросить за определенную плату привезти что-нибудь из-за гор... Но с приходом коменданта это прекратилось. Стражники молчат и только мрачнют с каждым днем. Но странности на этом не закончились. Стали пропадать солдаты. И если заключенные исчезали ночью, на поверхности, то стражники – днем и прямо в шахтах. Комендант допрашивал заключенных, но никто не мог сказать, что произошло. Человек отправлялся на патрулирование тоннелей и не возвращался, а потом находили его труп. Чаще всего смерть была явно насильственная, но иногда было ясно видно, что смерть наступила просто от страха. Иногда рядом с телом стражника находили трупы одного или двух каторжан – но никогда не было такого, чтобы убивали только каторжан. Один из убитых – обязательно стражник. А потом... Не знаю, что случилось потом, но комендант, похоже, совсем сошел с ума. Он приказал больше не выпускать каторжан на поверхность. Стражники больше не патрулируют тоннели, они вообще спускаются сюда только для того, чтобы забрать ежедневную норму породы. Когда каторжане взбунтовались, отказались работать и потребовали прекратить издевательство, они просто на несколько дней закрыли выход на поверхность и не спускали сюда ни еду, ни воду. А через три дня к уже умирающим от жажды беднягам спустился стражник и объявил, что если к вечеру у выхода из тоннелей не будет трехдневной нормы соли, еды и воды больше не будет совсем. Конечно, этого сделать не смогли, но комендант милостиво позволил приготовить недостачу к следующему дню. С тех пор здесь все так и продолжается.

Шеф задумчиво почесал подбородок, а потом удивленно спросил:

– И что, эти отчаянные ребята так быстро смирились? Не думал, что таких безбашенных головорезов можно убедить так просто.

– А я и не говорил, что заключенные больше не протестовали. Самые отчаянные попытались прорваться спустя несколько дней после того показательного усмирения. И тут я вообще не понимаю, что произошло. Прорыв не удался, стражники частично перебили, частично захватили повстанцев. А потом случилось страшное. Сам я не видел, но мне рассказали те, чьим словам мне нет смысла не доверять. Захваченных вернули сюда, в катакомбы. Их отвели в одну из штолен и держали там, пока не пришел комендант. Он лично проследил, как у выхода из штольни уложили несколько мешков с неизвестным порошком. После чего приказал всем отойти, а затем послал одного из заключенных с факелом, приказав подпалить мешки. Через минуту послышался ужасающий грохот, и из прохода полетело пламя впережку с камнями и землей. очевидцы говорили, что штольни больше не существовало – на ее месте был такой завал, какой не сотворили бы за неделю

и десяток рудокопов с кирками. Еще несколько дней с той стороны слышались вопли умирающих от жажды пленников. Вот после этого попыток протестовать больше не было. Среди заключенных немало бывших магов, и они клянутся, что этот завал организован без помощи колдовства. Да и мне неизвестно, какой силы должен быть маг, чтобы сотворить подобное.

Старик замолчал, ожидая нашей реакции. Неприятных новостей действительно хватало, при этом понятнее ситуация в целом не стала.

– Это все? – шеф вопросительно посмотрел на старика, не торопясь комментировать сказанное.

– Да. Больше, пожалуй, мне рассказать нечего. Ах да, есть еще кое-что, что, возможно, вас заинтересует. Еще до того, как комендант начал наводить свои порядки, он потребовал, чтобы заключенные отдельно собирали еще один минерал. Раньше его считали совершенно бесполезным, он хоть и похож на соль, но ею не является, так что его выбрасывали вместе с ненужной породой. Теперь комендант требует добывать отдельно и его. Ума не приложу, зачем этот минерал понадобился коменданту, но его количество каждый день проверяют еще более тщательно, чем количество соли. Заключенным раз в день спускают воду и пищу, а взамен те должны предоставить дневную норму породы. Иногда они по-прежнему забирают с собой одного-двух каторжан. И по-прежнему те не возвращаются. Но народ терпит. Отсюда очень трудно выбраться, уж я-то знаю. По крайней мере, я не знаю, как.

Мы с шефом ошеломленно посмотрели друг на друга.

– Удивительные вещи здесь творятся, правда, стажер? Какую интересную политику организовал здесь этот затейник – светлорожденный. Как ты думаешь, почему он не отразил эти оригинальные решения в отчетах? Неужели постеснялся доложить о своих управленческих находках наверх? – саркастически прогудел орк.

– У меня нет совершенно никаких мыслей на этот счет, шеф. – Поддержал его игру я, – но не кажется ли тебе, что нам непременно нужно поскорее навестить господина коменданта и осведомиться об этом лично у него?

– Не могу не согласиться. – Шеф вновь стал серьезен. – Вот только я уже сомневаюсь, что он станет отвечать на наши вопросы. Как бы он не приказал страже оставить нас прямо здесь, вместе с этими доходягами. Или даже просто кокнуть, без всяких изысков. Уж слишком он тут накуролесил.

– А вот в этом я сомневаюсь. Это он оставит на крайний случай. Думаю, в первую очередь, комендант постарается убедить нас, что здесь все нормально, так и должно быть. Нам главное не показывать ему, что мы так плодотворно пообщались с местным населением. В конце концов, мы совершенно случайно сюда провалились и прямиком направились к выходу, спеша быстрее выбраться на поверхность, как ты думаешь?

– А ты хитрая скотина, сид. Но, пожалуй, я с тобой соглашусь. Ну что, двинули. Старик, проводи нас до выхода.

– Я прошу прощения, но вынужден отказаться, и тому есть несколько причин. Вы, конечно, можете меня заставить, но я бы этого крайне не хотел. Я сейчас все объясню, – торопливо забормотал маг, увидев, как подобрался шеф. Видите ли, тут все-таки живут не слишком праведные существа. И с тех пор, как ими перестали управлять, они изменили здешние порядки.

– Я, кажется, догадываюсь, – пробормотал я.

– Может быть. Но я все-таки с вашего позволения уточню. Заключенные разделились на

несколько кланов. В каждом клане правит группа самых сильных и хитрых. Они не работают и занимаются распределением получаемой пищи. Конечно, себя не обижают. Время от времени случаются войны за рабочих – чем больше рабочих в подчинении у клана, тем больше пищи и медикаментов получает его верхушка. Тем больше остается на торговлю. Насколько мне известно, главы самых сильных кланов живут почти в роскоши. Некоторые даже завели гаремы. Но с другой стороны, контролировать и охранять слишком большое количество рабочих, распределенных по большой территории, становится слишком сложно. Поэтому мира как такового между кланами почти нет. За исключением так называемых послов, на чужую территорию никто не допускается. И это правило соблюдается очень жестко. А на пути к выходу из подземелья вам предстоит пересечь территории нескольких кланов. Боюсь, что я слишком стар для таких приключений.

– А ты к какому из них принадлежишь, старый лис? – подал голос шеф.

Старик лукаво улыбнулся.

– О, мне и тут удивительно повезло. Моя помощь может понадобиться представителю любого клана, и, принадлежи я к какому-то из них, он станет настолько силен, что для остальных это станет проблемой. Конечно, такой расклад никому не нужен, поэтому князья кланов договорились, что я буду сам по себе. Еще в начале формирования сообществ это правило пару раз пытались нарушить. Те князья теперь либо убиты, либо стали простыми рабочими, а их кланы расформированы – стоило представителям других банд услышать, что мое жилище объявлено территорией какого-то клана, как все остальные, проявив удивительное единодушие, объединялись против нарушивших негласную договоренность. С тех пор для похода ко мне даже выделили отдельный тоннель, пересекающий территорию всех кланов – по этому тоннелю можно беспрепятственно прийти ко мне. Но, боюсь, вам эта дорога не подходит – она нигде не пересекается с выходом на поверхность. – Удивительный старик виновато развел руками.

– Так ты что же, хочешь сказать, что нам придется прорываться с боем? – возмутился орк.

– Нет. Я надеюсь, что вам удастся пробраться к выходу тихо и незаметно. Но на вашем месте я бы на это не слишком рассчитывал. Хотя я могу рассказать вам о нескольких потайных ходах, о которых кроме меня никто не знает. То есть не знал до последнего времени, я не в курсе последних событий. Дело в том, что я уже давно не покидаю свою территорию, и ходы могли обнаружить. На вашем месте я бы все-таки был готов к худшему.

Неожиданно в углу зашевелился Ханыга, о котором мы с шефом, увлеченные разговором, совершенно забыли. Так что теперь все трое удивленно уставились на гоблина. Он явно смутился от такого пристального внимания, но, собравшись с силами, все же пробормотал:

– А почему нас не пропустят? Мы же хотим, чтобы над ними перестали издеваться?

Шеф расхохотался, да и мы со стариком заулыбались от такой наивности.

– А потому, зеленый, что большинству-то, может, мы и поможем, а вот некоторым станет гораздо хуже, – он повернулся к старику, – ладно, давай рассказывай об этих твоих потайных ходах.

Старик замялся.

– Видите ли, мне очень неудобно, но я не стану вам рассказывать об этих ходах. То есть просто так не стану.

– Что же ты хочешь, почтенный? – поспешил спросить я, пока шеф в очередной раз не разорался.

– О, для вас это не составит труда. Я не хочу возвращаться в крепость. Просто пообещайте мне, что когда разберетесь с основными проблемами, вы не вспомните про меня. Я уже вполне обустроился здесь, и мне не хотелось бы снова возвращаться в казарму. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что мне не суждено издать свои труды. Рискну предположить, что в научном мире они были бы замечены...

Шеф задумчиво посмотрел в потолок, потом глянул на меня. Я-то сразу был за то, чтобы оставить несчастного старика в покое, о чем и постарался сообщить своим красноречивым взглядом. Шеф, поколебавшись, тоже кивнул утвердительно.

До выхода из подземелий добраться было непросто, прежде всего, потому, что ходов под землей было множество, и тот, кто их строил, похоже, не слишком заботился об удобстве будущих поколений исследователей. Так что помощь отшельника оказалась очень кстати. Во-первых, он начертил нам неплохую карту подземелий, а во-вторых, прочертил маршрут, показавшийся ему самым безопасным. Несколько раз этот маршрут действительно совпадал с потайными переходами и пещерами, и хитрый старик подробно описал, как их найти и открыть. Сейчас мы как раз приближались к одному из таких переходов. Это должна была быть не рукотворная шахта, а какая-то естественная полость в земле. Ученый попытался было объяснить, что море, которое было здесь раньше, не просто так исчезло, а каким-то образом оставило множество промоин в земле, но нам в тот момент это было не очень интересно, и мы не стали слушать слишком внимательно. Хотя все восхитились такими глубокими познаниями человека и тем, что его интересы простираются не только в науке, которой он посвятил жизнь (я про черную магию), но и в других областях знания.

Двигались мы уже привычным порядком. Шеф впереди, за ним Ханыга, а я – замыкающим. Шеф был донельзя мрачен, и на все попытки с ним заговорить только глухо огрызался. Ему здесь очень неуютно – мучает клаустрофобия. Да если честно, после беседы со стариком-магом нам с Ханыгой здешние места тоже совсем перестали нравиться. Никого из здешних жителей мы пока не встретили, так что идем в полной тишине, да и, несмотря на то, что мы разжились факелами, света это не слишком прибавило. Чувства обострены до предела, легкие шорохи воспринимаются как чьи-то шаги, тени от неровного света факелов будят воображение. Да и истории про пропавших стражников тоже не добавляют оптимизма.

Тем временем мы подошли к входу в первый из потайных ходов. Он действительно оказался хитро замаскирован. В неглубоком углублении в стене трудно было распознать проход, тем более, что таких углублений нам встречалось до этого множество. Тем не менее, стоило его хорошенько осветить, как становилась заметна узкая щель, за которой угадывался проход. И тут мы столкнулись с первой проблемой. Мы с гоблином в эту щель протиснулись легко, а вот гораздо более крупный шеф застрял чуть ли не намертво. Пришлось хорошенько повозиться, чтобы затащить громоздкого орка. Ханыга тащил шефа за руку, ну а мне досталась нога. Ну и сам шеф прилагал максимум усилий, чтобы вылезти. Правда, на то, что бы паниковать, сил у него уходило гораздо больше. Но, в конце концов, мы справились, правда орк здорово расцарапал спину и грудь, и еще, почему-то лоб. Зато пока мы его пропихивали, шеф успел рассказать, что он имел интимную связь с самой щелью в особенно извращенной форме, а также с ее родителями и потомками, и еще почему-то с тем стариком, который нам этот проход указал. Удержаться от смеха, слушая такие подробности личной жизни шефа, было трудно, хотя и не совсем честно по отношению к искренне испуганному начальнику... Мы и не пытались.

Правда, настроение наше вновь быстро испортилось. Как выяснилось, дальше проход не слишком-то и расширялся. Шефу пришлось идти боком, нелепо изогнувшись, и, конечно, ни о какой свободе маневра речи не шло. Что будет, если шеф где-то снова застрянет, не хотелось даже думать – пришлось бы возвращаться назад и идти всем известным путем. Такая перспектива нас не вдохновляла. Тем не менее, мы хоть и медленно, но продвигались. Шеф вообще не замолкал, он то тихо, но очень проникновенно матерился, то просто

сдавленно рычал дрожащим голосом. Я даже начал опасаться за его душевное здоровье – такого испуганного орка я не видел никогда в жизни, а я их видел немало.

Шеф застревал еще не раз и не два, а мы с гоблином старались ему помочь не только физически, но и морально. В очередной раз, проталкивая его сквозь узкое место, я сквозь зубы бормотал:

– Да что ж ты какой толстый-то а? Может, уже на диету пора? Жрал бы поменьше, никаких бы проблем не было.

Шеф, похоже, приняв мое ворчание за чистую монету, угрюмо оправдывался:

– У меня просто кость широкая, я же орк, а не эльфийка! Орку положено быть большим! Я и так больше четырех раз в сутки почти и не ем никогда!

– А то я не знаю, сколько ты жрешь. Да ты за один раз сжираешь столько, сколько я – за неделю.

– Мне нужно много энергии, я что, цветочек, чтобы солнечным светом пи...

Он замер не договорив и стал резко вывинчиваться обратно.

– Что? Что такое? Не молчи, говори, что там происходит! – очень спокойным голосом стал спрашивать я, судорожно размышляя, как бы мне извернуться и поменяться с ним местами. Пока я размышлял, гоблин уже всю действовал. Он вытащил из-за пояса короткий кинжал, опустил на четвереньки и стал пробираться в узкое пространство между коленями орка. Я так и не понял, как ему это удалось, но, в конце концов, он оказался по другую сторону от шефа. Через пару секунд оттуда послышался его голос. От волнения акцент у него только усилился.

– Мья ничего и видеть. Пчти. Мья видеть тень, но тень быстро исчезла. Что видеть нчальник?

Шеф, похоже, уже переставший паниковать и потому донельзя смущенный, пробормотал:

– Да я и сам толком не понял. Мне сначала показалось, что там огромный паук на стене, а потом, что это не паук, а девка. Только странная какая-то, и на четвереньках. Демоны знают что, короче. Кхм. Ладно, пошли, что ли.

Еще одно мучительное усилие, и нам удалось протолкнуть шефа дальше, а скоро мы, наконец, достигли конца перехода и с облегчением вывалились в основную шахту.

Начальник мой, кажется, оценил разницу между шахтой и природной полостью, и теперь широкий, удобный, и, главное, рукотворный проход его уже не так угнетал. Мы решили сделать привал, чтобы обсудить наше дальнейшее движение и, конечно, происшествие в потайном переходе. Точнее, в основном последнее, так как дорогу мы обсудили еще у старика-врачевателя. Пока мы разворачивали те скудные запасы провизии и воды, что у нас были с собой (а точнее то, что мы отобрали у погонщиков летучих зверей перед тем, как они улетели, под предлогом того, что нам, дескать по пустыне долго двигаться, а они через пару часов будут в городе), я стал спрашивать очевидцев странного происшествия:

– Давайте, рассказывайте, что вы видели. Я-то топтался сзади, и потому мне сказать нечего.

– Да что рассказывать, уже рассказал все. Лезу я через эту дырку, вдруг смотрю – глаза светятся. Жутко так. А потом вроде как лапы как у паука. Ну я напугался малость, и оно, похоже поняло, что его заметили. Шевельнулось, и я смотрю – а это вроде как баба, волосы длинные, и сиськи торчат. Худющая. Только бабы так на четвереньках не стоят, у этой колени

вверх торчали, а не вниз. Тут зеленый пролез, а оно развернулось и исчезло. Быстро так, и, главное, не по полу, а по стене, натурально как паук.

– Я тож м'ло увидел. Тлько швелен'е какое, птом все. Бть может, это зверь?

– Ладно, гадать бессмысленно, – подытожил я, – зверей тут в принципе не водится, но и про разумных, шныряющих по стенам, да еще и с вывернутыми суставами я еще не разу не слышал. Двинулись дальше? Тем более, что, я смотрю, ты, шеф, видимо от нервов, уже все сожрал?

– И нечего на меня клеветать! – Возмутился шеф. – Вовсе не от нервов! Проголодался просто, да и что тогда жуешь ты, если все сожрал я?

Вопрос я посчитал риторическим, поэтому молча засобирался. И мы отправились дальше. На этот раз мы готовились к неприятностям, и потому они не стали для нас неожиданностью. Уже довольно давно в некоторых из боковых проходов мы замечали шевеление и чувствовали настороженные взгляды. Неудивительно – судя по карте, мы шли по территории одного из кланов, и надеяться проскользнуть незамеченными было бы глупо. Но мы все равно спешили изо всех сил, так как впереди нас ждал еще один тайный проход. Мы надеялись, что пока местное население наберется храбрости на нас напасть, мы успеем проскользнуть дальше. Хотя эта идея с самого начала пахла идиотизмом, во-первых, мы тут явно чужаки, во-вторых – слишком хорошо экипированы, чтобы здешние жители позволили себе упустить такой шанс. Похоже, они решили даже не докладывать о происшествии своим главарям из боязни, что такой лакомый кусочек достанется кому-нибудь другому. Но, повторяю, мы были готовы – такого рода неприятности не являются для нас с шефом чем-то особенно экзотичным, да и Ханыга настолько воинственно оглаживал рукоять своего кинжала, что было ясно – возможная потасовка его не пугает.

[Купить полную версию книги](#)